

РОМАН ШИМЫКОВ

НА
НОЧЬ
ГЛЯДЯ

успеешь ли ты уснуть прежде,
чем часы пробьют двенадцать?

18+

RED. Мистика

Роман Шмыков

На ночь глядя

«ЭКСМО»

2022

Шмыков Р.

На ночь глядя / Р. Шмыков — «Эксмо», 2022 — (RED.
Мистика)

ISBN 978-5-04-171290-7

Сборник рассказов, пронизанных одной общей идеей и чувством, знакомым каждому. Хватит ли смелости тому, кто откроет первые страницы, окунуться в мир, который скрывается в отражении зеркал? Такое знакомое лицо, но столь чуждый человек. Страх и ощущение собственной ничтожности перед лицом бессмертного существа в рассказе «Дисторсия». Жажда мести, наполняющая строки «У пруда». Бесконечная обида и непонимание в «Обеде с Борей». Осознание полного одиночества «Под номером». Гнетущее чувство изоляции от всего мира в «Голоде». И желание спрятаться ото всех навсегда в «Деревянном сердце» Это мысли перед сном, это разговоры с самим собой и мечты о том, что к утру всё непременно наладится само по себе. Комментарий Редакции: Страх — древняя эмоция, обуздать которую не по силам даже сверхсовременному человеку. Страх прячется везде, но особенно его много в жутких рассказах Романа Шмыкова. Колючая тревога, подступающий к горлу саспенс, необъяснимый ужас и паническая агония, которую уже ничем не заглушить. Героям сборника придется непросто. Как, впрочем, и читателям, которые все-таки решились развернуть эту книгу.

ISBN 978-5-04-171290-7

© Шмыков Р., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

У пруда	6
Король металлов	11
1	11
2	13
3	17
4	22
5	23
7	26
8	29
9	32
10	35
11	37
12	40
Дисторсия	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Роман Шмыков

На ночь глядя

Я искал собеседника. Я плохо себя чувствовал. Я устал ощущать себя одиноким, и ещё больше мне надоело не быть одиноким в своей же голове. И вот мы здесь.

У пруда

Думаю, здесь немало жестокости. И я предупреждаю – особо чувствительных к физическому насилию прошу пропустить этот рассказ и приступить к основе сборника, которую пронизывает одна нить общей идеи. Спасибо.

«Виталий. Рейтинг 4.98. Приедет через 10 минут».

Я надел кроссовки и наспех накинул куртку. Портфель висел на одном плече и слегка мешал закрывать квартиру. Пришлось сделать это дважды, я не сразу проверил, везде ли выключен свет. Виталий задерживался, и несколько минут пришлось простоять в подъезде на первом этаже, чтобы не мёрзнуть снаружи в ожидании такси. Сегодня было особенно холодно, и я боялся заболеть. Промозглый ветер зимы в десять часов вечера беспощадно атаковал любой открытый участок тела.

Встал у дороги, и машина подъехала почти одновременно с моим выходом. Я закинул портфель и грузно ввалился в салон такси.

– Здравствуйте. – Я всегда здороваюсь первым, даже не успев полностью залезть в машину.

– Добрый вечер, – голос таксиста был уставшим, но бархатно-приятным. Внутри пахло печеньем, хороший этот аромат. – Дорога займёт примерно двадцать четыре минуты, едем?

– Да.

Под колёсами захрустел снег. Пустые, еле освещённые дворы сменились дорогой, медленно втекающей в шоссе. Жёлтые фонари выглядели совсем понуро под снегопадом, и я не смотрел лишний раз в окно. В телефоне до сих пор не было ни одного сообщения от неё, хотя я ждал с самого утра. Зря понадеялся, очень зря.

– Этот район считается частью города, или это отдельный посёлок?

– Что, простите? – я правда не расслышал вопроса таксиста. Только сейчас обратил на водителя внимание, будто до этого машина ехала сама. Это был мужчина лет шестидесяти пяти на вид. Курчавые волосы до плеч, совершенно седые, а на макушке блестит лысина размером с маленькое чайное блюдце.

– Район, куда едем, он считается частью города? – мы остановились на перекрёстке, и таксист обращался ко мне вполоборота. На его горбатом длинном носу сидели очки с толстой чёрной оправой, а кустистые брови торчали над глазами как две гусеницы. Но даже при этом всё внешность водителя не отталкивала.

– Я даже не знаю. Точно не могу сказать.

– А вы не домой направляетесь?

– Нет. Работа.

– Так поздно? – его удивление было искренним, несмотря на то, что и сам он не сидел сейчас перед телевизором. – Уже одиннадцатый час, а вы даже не домой едете. Ненормированный график?

– Можно и так сказать.

– Я что спросил-то, раньше это считалось частью города, а теперь называется отдельным посёлком. А что изменилось? По сути, ничего.

– Ну да, наверное.

Я не горел желанием вести оживлённый диалог, но был в таком настроении, что не прочь хотя бы покивать и согласиться со всем, что говорит твой собеседник. Такие поездки в такси – обычное дело для меня, и я привык слушать истории ни о чём. К моему удивлению, Виталий

резко замолчал, и следующие минут десять мы ехали в полной тишине, если не считать тихо играющего радио. Звучали совершенно пресные песни, и я снова взглянул на экран телефона. От неё – ничего.

Мы ехали по эстакаде, отсюда видны огни домов, торчащих за рекой. Фонари тянулись всё выше и выше, стараясь пролить хоть немного света на пустую дорогу. Кроме нашего такси машин почти не было, и мы ехали, оставляя за собой свежую маленькую колею.

Я совсем задумался, и даже музыка медленно пропала с фона. Гадал, что же сделал не так. Всё было слишком хорошо? Да не может быть. От такого не отказываются. Искать ошибку трудно, и сам понимаю, что мой взгляд замылен, вижу до обидного мало. Может, поэтому всё теперь вот так? Никак.

Поворот на очередном перекрёстке получился резким. Водитель притормозил и посмотрел на навигатор, висящий над приборной панелью. Я не видел, сколько ещё оставалось времени, но стрелка, обозначающая нашу машину, стояла ровно на половине линии пути.

Я помню, что её дом находится у какого-то пруда. Не помню только его названия – давно там не был. Да и приезжал всегда днём, а теперь дорога кажется совершенно новой, чужой. Внутри меня сидел ещё не оформившийся страх, и он был бы сильнее, если бы я не знал точного адреса. Он запомнился просто отлично. Хорошо, что не пришлось показывать пальцем Виталию, куда мне нужно добраться.

Пруд, наверное, уже замёрз. Но вряд ли там уже собираются рыбаки. Она говорила, что иногда они появляются, хотя рыбы в озёрце нет давным-давно. А она там водилась вообще? Как по мне, пруд слишком маленький, чтобы там что-то ещё жило. Посреди пруда торчал островок со старым деревом, листва которого похожа на лысеющую голову. Жалкие листочки появляются поздней весной и опадают полностью уже в начале сентября. Печальное зрелище.

Вот этот поворот я помню. Ехал здесь на автобусе, тут водители всегда замедляются, чтобы пересечь трамвайные пути, которые торчат слишком высоко, чтобы спокойно их преодолеть. Телефон вспыхнул, и это было сообщение, но в очередной раз не от неё. Я смахнул его в сторону и выключил экран.

Мы заехали в знакомый двор, и я успокоился. Эти места уже знаю отлично. Высокие дома как две скобы окружают длинную детскую площадку и небольшой красивый парк с низкорослыми кустарниками. Летом тут росли цветы, а сейчас аккуратно собранные сугробы похожи на оградку.

Мы остановились у третьего подъезда. Он в самом углу, и тут машинам всегда трудно разъезжаться. Мы попрощались с водителем, и я вышел, рукой вытянув за собой портфель. Машина тронулась не сразу, и мне даже удалось дойти до двери подъезда, прежде чем она уехала.

Я уже поднёс палец, чтобы набрать номер её квартиры, как из подъезда вышел мужчина. Он очень странно на меня посмотрел, и мои глаза машинально опустились. Я сделал вид, что сейчас наберу номер квартиры и меня впустят. Мужчина тихо хмыкнул и придержал для меня дверь, я зашёл внутрь, кивнув ему, но так и не удостоив взгляда. Мне не понравились эти глаза, сидящие над обвисшими щеками.

Тут очень тепло, и мои очки запотели после мороза снаружи. Я их снял и по мышечной памяти дошёл до лифта. Пятый этаж, её квартира слева на площадке. Знакомая мелодия дверного звонка вызвала во мне трепетную, но неприятную дрожь. Вспомнилось то, о чём не хотелось бы вспоминать. Звуки аккуратных шагов до двери слышались заранее, и поэтому я задержал дыхание, боясь непонятно чего.

Она говорила по телефону, сильно удивилась, увидев меня на пороге. Ждала кого-то, что так быстро открыла дверь? До этой секунды она смеялась, она шутила, но телефон выпал из её рук на кафельный пол прихожей, и женский звонкий хохот стих вместе с пластиковым ударом телефона об пол. Она набрала воздуха в лёгкие, но я ударил прежде, чем прозвучал её крик.

Она упала спиной на пол, кажется, ударилась затылком. Я быстро зашёл и закрыл за собой дверь. Помню, однажды к нам постучались соседи, когда мы громко трахались с ней. Слышимость тут и так слишком высокая, и необходимо сделать всё быстро, чтобы никто ничего не услышал. Тем более в такой поздний час, когда шум с улицы пропал совершенно, и можно различить чужое дыхание за стеной.

Я достал из портфеля скотч и быстро обмотал её рот, обернув несколько раз ленту за затылком и оставив лишь нос торчать вверх. Она замычала, но даже без скотча сделала бы это тихо. Когда я поднял её с пола за плечи, внизу уже растеклось небольшое кровавое пятно. Мелкие капли сползали по белокурым коротким волосам, быстро превращаясь в коричневую корку.

Пришлось оттащить её в большую комнату. Здесь стояли картины её авторства. Никогда мне не нравились. Слишком претенциозно. Эти портреты чересчур простые. Две линии и глупый чёрно-белый градиент. Такая безвкусица. Надо было ей сказать об этом раньше. Кровать как всегда не заправила, хотя я говорил, что это некультурно и некрасиво, даже если никто не ждёт гостей.

Я положил её на пол лицом вниз и замотал руки за спиной тем же скотчем. Её кулачки сложились в замок, и она немного согнулась, чтобы выворот плеч был не таким сильным. Её стоны стали чуть громче. Я пнул её в бок, надеясь, что это поможет, но стон стал лишь протяжнее, никак не тише.

– Помолчи, пожалуйста, а то они услышат, – шепнул я ей на ухо, пока переворачивал лицом к потолку, – не хочу, чтобы к нам опять стучались.

Из её глаз потекли скупые слёзы, смазывая тушь, нанесённую безобразно толстым слоем. Помада с губ стёрлась под скотчем. Она что, куда-то собиралась уходить? Куда можно уезжать так поздно? Неужели к *нему*?

Старался не думать об этом, но с каждой секундой у меня получалось всё хуже. Эта ревность не покидала меня ни днём, ни ночью. Я слишком поверил ей, чтобы сейчас не размышлять о том, как низко она со мной поступила. Да, я сильно обиделся, и мне хочется, чтобы она знала. Её взгляд был устремлён ровно на меня, зрачки тряслись, и блики бегали туда-сюда по её глазным яблокам. Как же сильно я любил её глаза.

Я достал из портфеля нож и наклонился над ней. Снег таял на плечах моей куртки, и вода с них капала на её побелевшее лицо, когда лезвие приблизилось к тонкому женскому горлу. Она могла лишь мотать головой, и мысленно я поблагодарил её за то, что она не стала опять мычать. Терпеть не могу, когда она так делала. Во время секса тот же звук, и мне он противен. Хоть и просил её так не стонать, но она продолжала. Делала всё, чтобы мне было неприятно. Никогда не встречал такой девушки, и это чистая правда. Я ненавидел её так же сильно, как и любил. Грязная сучья бл*дь!

Нож в её плечо вошёл легко и плавно. Кожа смялась, как полиэтиленовый пакет, когда я провернул лезвие вокруг оси. Она выгнула шею и зарычала. Зажав ей нос, чтобы убавить громкость, я достал нож и воткнул его в живот. Он вошёл так гладко, что и поверилось бы с трудом, если бы не красное пятно, быстро разрастающееся на белой майке, сквозь которую видно набухшие соски. Я посмотрел вниз, её шортики, еле закрывающие ягодицы, немного сползли. Она без трусиков. Небритый лобок показался на свет, и я, достав лезвие, ударил прямо туда. По моим зубам и дёснам прошла странная дрожь, словно сам ощутил её боль. Что-то под моим пупком сократилось и снова расслабилось. Она извивалась и пыталась освободиться, но быстро ослабевала, теряя кровь.

Наступила тишина, и лишь трение её одежды об пол звучало в комнате. Только поэтому стало слышно, что в прихожей что-то вибрирует. Я отпустил связанное тело и подошёл к двери. На её телефон кто-то звонил. Экран высветил мужское имя, и рядом с ним сердечко. С моим

именем она никогда не ставила сердечко, а это было чёрным. Знаю, что она любит чёрный цвет. Я выключил телефон и положил его на тумбочку в прихожей.

Она лежала на полу и извивалась, как гусеница. Из её живота обильно вытекала кровь, а я не хотел, чтобы всё прошло слишком быстро. Тихо – да, но не быстро. Перевернул её на спину, коленом прижав к полу в районе живота. Навис над ней и смотрел прямо на её лицо. Скотч был так крепко намотан, что вокруг него на бледной коже щёк образовались красные набухшие пятна. Я ткнул в них ножом, вставляя лезвие всё глубже, водя кончиком по скулам. Она закрыла глаза и обмякла. Неужели упала в обморок? Кажется, да. Я приложил два пальца к её вене на шее и ощутил еле уловимый пульс. Отложил нож и похлопал её по щекам. Никакого результата. Что ж, это было ожидаемо.

Я встал и посмотрел на неё ещё раз. Она была так сексуальна, и резко нагрывавшая эрекция упёрлась мне во внутреннюю сторону штанин. В рюкзаке лежала маленькая пила, купил сегодня утром. Её лезвие было белым и блестящим, а ручка такая жёлтая, что резала глаза. Мда, забавно звучит.

Я начал с ног. Первые движения давались трудно, лезвие соскальзывало и постоянно норовило выскочить из вспотевших ладоней. Она открыла глаза, когда зубцы добрались до кости. Подняв голову, она опять громко замычала, и я кулаком с размаху ударил прямо в лоб. Опять бахнула затылком об пол. Сраные соседи снизу, небось, это слышали. Странно, что до сих пор не стали стучать. Я сделал рывок посерьёзнее, и пила начала справляться с костью. Мне хочется, чтобы эта мразь всё чувствовала. Моя боль не буквальна, но и легче она не кажется от этого. Мне было обидно, а теперь будет обидно ей.

Вторая нога пошла легче, и получилось справиться за меньшее время. Стирая рукавом пот со лба, заливший мне очки, я увидел, как она смотрит в потолок. Её грудь не поднимается, скорее всего, она уже умерла, жаль. Она мне нравилась. Помню, как листал её фото в приложении. Анкета была на английском. Я не знал английского, и какое-то время провёл в переводчике. Она искала какого-то друга для души. Соулмэйта¹. А я не был религиозен и считал рассказы про души полным бредом. Сказки, слишком глупые, чтобы в них позволительно было верить в наше время.

Снял с неё майку, и небольшие груди разъехались в стороны. Такие себе, если честно. На фото она красовалась в лифчике, и сиськи смотрелись намного лучше. Мне кажется, именно на них я повёлся. Мне не было интересно, чем она занимается, но она всё время говорила про свои картины. Зря я делал вид, что слушаю внимательно и хотел бы послушать ещё. Надо было сразу сказать, что это всё глупости. Нашла бы лучше нормальную работу.

Шортики сползли ещё ниже, и я вспомнил, как впервые к ней приехал. Купил шоколад, и мы сначала потрахались, а потом пошли выпить. У неё оставалось немного шампанского, и мы в тот вечер сильно охмелели. Мне пришлось оттащить её на кровать и лечь рядом. Я не мог уснуть всю ночь, и лишь под утро закемарил. Её будильник был с самой надоедливой мелодией, и это первый раз, когда мне захотелось ударить. Я уже привстал и замахнулся, как она открыла глаза, потянулась и сказала «доброе утро». Я поцеловал её в лоб и пошёл умываться.

Самому смешно, как вспомню. И немного стыдно за то, что позволил себе влюбиться в неё. Было глупо слегка, и я даже друзьям не рассказал о ней, да и правильно сделал. Она того не стоила.

Кровь заливала пол, и мне следовало немного поспешить. Уже хочется спать, а мне ещё домой ехать. Я достал из портфеля во много раз сложенную сумку, сложил туда тело по частям и вытащил к балкону. Мне стоило больших усилий перевалить сумку через перила и скинуть вниз. Надо было сначала посмотреть, не ходит ли там кто-нибудь. Хотя вряд ли. Под её окнами даже тропинок как таковых не было, и всего метрах в двадцати от дома начинался пруд. Я

¹ Soulmate – родственная душа.

умылся в ванной, спрятав кровавые разводы и капли с небритых щёк, немного заляпав очки. Вытерся её полотенцем и вышел из квартиры, просто прикрыв дверь так, чтобы она выглядела запертой. Чуть не забыл портфель внутри, схватил в последний момент. Опять.

На улице стало холоднее, или я так вспотел, что спина моментально покрылась холодной плёнкой. Сумка лежала в сугробе, зарытая почти полностью свежеснегавшим снегом. Сегодня он валил так щедро, что увидеть что-то в метрах трёх от себя уже выглядело немалым испытанием. Я оттащил сумку к пруду и встал у берега, боясь сделать первые шаги по льду. Он казался тонким, но морозы держались уже почти неделю, и слой должен быть достаточным, чтобы я смог пройти по нему. Оставляю сумку на островке посреди пруда. Думаю, там никто не появится в ближайшее время. Может, даже до весны она пробудет там.

Лёд потрескивал, но ногами я ощущал уверенность и тащил за собой сумку, шелестящую по льду. И даже легче, чем думал. Благо, она была невысокой и достаточно худосочной, чтобы спокойно тащить её в сумке к середине пруда. Оставил у дерева и слегка припорошил снегом. Выглядит как сугроб, отлично.

Теперь я спокойно выдохнул и огляделся. В домах почти не горели огни. Люди, должно быть, давно легли спать. Звук проезжающих машин звучал где-то далеко, а двор стих, совсем обезлюдел. Мне стало немного одиноко, даже тогда, когда физически она ещё рядом. Если быть честным с собой, то мне всегда было с ней скучно, и я думал, что это просто такой период, потом к ней привыкну и всё станет хорошо, как у всех, но не стало. Она мне написала, что мы больше не можем видеться, но не сказала почему. А ведь я спрашивал! Она поступила некрасиво, очень некультурно, а мне подобное прощать не захотелось.

Я вернулся на берег и подошёл к дороге со внутренней стороны двора. Там гулял мужчина с собакой, и та залаяла, увидев меня. В детстве я боялся собак, а теперь просто прошёл мимо, доставая из кармана телефон.

«Андрей. Рейтинг 4.67» Интересно, за что снизили?

Король металлов

1

Билет я купил в самый последний момент. Так обычно достаются места «С» и «D», без вариантов. Придётся опять одну ногу подгибать в трёх местах, а другую выставить в проход и постоянно следить, чтобы её не отдавили. Клянусь, стюардессы специально иногда стучатся об мои конечности, чтобы я ни на минуту не уснул. Рейс будет вечерний, и основное освещение обязательно отключат. Однажды я попытался читать книгу под жалким фонариком, подведённым к моему месту, но это оказалось откровенное издевательство над глазами, и больше подобных попыток мною не предпринималось.

Я предвкушал, ещё сидя дома за два дня до вылета, как зайду последним в самолёт и буду глазами выискивать своё место, молясь всем богам сразу, чтоб в соседи мне досталась худощавая девушка, а не огромный мужик. Такое было однажды, и вместо того, чтобы готовиться к докладу на конференции, я воевал с чужой рукой весом в центнер за каждый сантиметр подлокотника. Постыдное зрелище – я по большей части проигрывал, сжимаясь как сгоревшая головка спички.

Мама посоветовала вещи начать собирать уже сегодня, чтоб уж точно ничего не забыть. Я сказал, что так и сделаю. Для её и моего успокоения дорогие духи были уложены заранее. Мне недавно их подарили на корпоративе. Вручили так, будто в рыцари посвятили. Было смешно участвовать в этом. Эти духи ещё ни разу не использовались, будто ждали особого повода. Может, конференция на другом континенте окажется именно таким поводом, и на публике я появлюсь с великолепным ароматом, тянущимся за мной помимо коллег, выглядящих как рудимент науки. Я не принижаю их достоинств ни в коем случае. Сергей Витальевич пользуется моим уважением, порой даже слишком явно. Однажды пришлось за него заполнять журналы после консилиума. Я поморщил лицо, но работу завершил за пару дней. За это получил от Сергея Витальевича рукопожатие и возможность продвинуться дальше на кафедре.

По итогу я стал главным помощником руководителя нашего департамента, а это уж позволило привнести и мой личный вклад в науку. Через два дня улечу рассказывать на неродном языке о новых твёрдооксидных топливных элементах, ещё не вышедших на промышленные масштабы производства, но уже попавших под пристальное внимание учёных со всей планеты. Я был безумно горд оказаться среди тех первых, кто запустит целую эпоху в энергетике. Родители будут мной гордиться, я в этом уверен.

Проверил ещё раз конспекты и шпаргалки к выступлению. Упрощённый прототип будущей конструкции я уложил в контейнер, сделанный специально для нашего исследовательского института. Мне доверили его везти с собой, и у меня чуть руки не дрогнули, когда в них оказался образец будущего устройства. Со слезами на глазах я позвонил отцу и сообщил великолепные новости, он поставил меня на громкую связь, и тогда я сказал ещё и маме. Они долго собирались с силами и словами, и лишь к вечеру, уже после телефонного звонка, написали, что я большой молодец. Папа в местной кондитерской даже торт заказал по такому случаю. За две с половиной тысячи километров от меня праздновали мои успехи на научном поприще.

После конференции обязательно приеду домой погостить на недельку другую. Возьму отпуск. Сергей Витальевич вряд ли будет против. Ему самому ещё придётся отходить какое-то время. Он великолепный учёный, но помимо научных открытий он ещё безумно влюблён в банкеты после этих самых открытий. А конференция, находящаяся на другой стороне океана – идеальная возможность закатить такой банкет, что до конца жизни запомнится. Надеюсь, меня

там не споят. Знаю я этих безумных учёных – вечно норовят погибнуть раньше времени, по пути разгадывая тайны этого мира и превращая каждую из них в числовой эквивалент.

Завтра в институте в одиннадцать состоится собрание, последнее перед отлётом. Я волнуюсь безумно. Пришлось даже выпить снотворное, чтобы не клевать носом в актовом зале и хоть немного выспаться за ночь. Проверил несколько раз будильник – всё верно, шесть пятьдесят утра. Я включал ещё несколько раз экран телефона с проверкой, прежде чем окончательно отвернулся к стенке и уснул. К утру я еле вспомню, что ночью мне грезились облака, горы и силуэты на них.

2

В девять утра меня разбудил звонок студента, для которого я с недавнего времени стал научным руководителем. Смышлёный парень, но до ужаса ленивый. Быстрее бы дописал свою дипломную да выпустился. Надеюсь, в науке наши пути никогда не пересекутся. Я взял телефон в дрожащие руки и прокашлялся, прежде чем принял звонок. Студент начал первым.

– Здравствуйте, Геннадий Александрович, завтра будет практика? Я подготовил отчёт по предыдущим испытаниям. Ещё заполнил новую главу, дополнил список литературы. Отправил вам на почту, посмотрите пожалуйста. Ещё Максима там работа тоже есть, отправили одним сообщением, чтоб не потеряли. Так что на счёт практики?

Я перестал слушать после первого вопроса и просто дождался, когда этот мучитель закончит говорить.

– Привет, Миш, практика состоится, но в институте будет только Дарья Алексеевна. Она уже обо всём в курсе и даст тебе задание. Приходи к восьми.

– Хорошо, спасибо, до свидания!

– Пока.

Гудки слышались прежде, чем я попрощался. Шебутной, и говорит так быстро, что уследить просто невозможно, да ещё и с каким-то странным говором, деревенским будто. Потом придётся Даше подарить коробку конфет за то, что меня подменила с этим парнем. Беда, а не студент. Однажды умудрился разбить три колбы, когда поручили ему работать только с двумя. Ладно хоть ступку керамическую не расколотил, хотя я б не удивился, если бы всё-таки смог.

Я проковылял на кухню, чтоб накормить Масю. Она, мурлыча, подтянулась из другой комнаты, выгнув серую спину, и зевала во весь рот. Я спрятался в ванной, услышав напоследок звяканье маленьких тарелок на полу. Холодная вода окатила лопатой по лицу. Я и забыл, что горячую отключили. Вчера стоило побольше понежиться под тёплым душем, прежде чем откинуть мысли о подобном удобстве до прилёта в отель. А это почти двое суток! Как же сводило зубы, когда их полоскали холодной водой после мятной пасты.

Мася разложила на подоконнике прямо под лучом июньского солнца, уже давно вставшего над городом. Я открыл окно. Дороги уже полнились машинами, отовсюду звучали гудки и скрип шин. Всегда любил эти симфонии, и в улучшившемся настроении оделся. Галстук искал долго, хотелось надеть тот самый, счастливый, в котором я когда-то сам защитился на дипломе. На собрании хочу выглядеть достойно.

От мамы пришло СМС. Она пожелала удачи и поставила сердечко в конце сообщения. Вспомнила, что сегодня вечером улетаю, приятно даже. Улыбаясь во весь рот перед зеркалом и проверяя, не замялись ли где брюки, я схватил маленький портфель и вышел наружу.

На лестничной площадке поздоровался с соседкой. Приятная женщина лет тридцати пяти. Высокая и стройная. Всегда появляется в компании дочки. Мужчины с ними никогда не было, и ловя улыбку этой дамы, я всегда думал о том, чтобы когда-нибудь набраться смелости и познакомиться нормально, а не только здороваться при случайных встречах. Сегодня она поспешила кивнуть головой и скрыться за дверью своей квартиры. Ну и ладно, поберегу удачу галстука на полёт и конференцию.

На выходе из подъезда меня чуть не сбил велосипедист, пулей пролетевший мимо и крикнувший что-то непонятное в мою сторону, не глядя вперёд. Благо, не задавил никого, придурок. Я прошёл к своей остановке и встал рядом со скамейкой, хотя было ещё пространство между пожилым мужчиной и мальчиком лет десяти с огромным ранцем за спиной. Мало ли кому понадобится пустующее место до прибытия автобуса, и я остался стоять, нервно теребя

ручку портфеля. Я волновался, даже не позавтракал, а стоило бы – теперь надо сдержаться и не обглодать заусенцы пальцев.

Автобус прибыл быстро, и я подождал, пока мальчик со стариком зайдут, и потом запрыгнул сам, чуть не запнувшись об первую ступеньку автобуса. Скинув в тарелочку заранее заготовленную мелочь на проезд, я сел в хвосте, поставив портфель на колени. Он всегда чистый, так что за брюки можно не переживать.

Мы проехали мимо парка, где я когда-то упал с качели. Единственное воспоминание и ассоциация с этим местом. Странно даже, что запомнились из огромного множества эмоций лишь слёзы и боль в коленке.

Я вышел на остановке у самого института. Студенты гуляли парами, фотографировались рядом с памятником и ели мороженое. Я поспешил забежать в прохладу главного здания института, чтобы не вспотеть и не вытирать лицо платком в то время, как Сергей Витальевич будет готовить нас, четверых его приближённых, к тонкостям поведения на иностранных конференциях. Интересно, что такого он имел ввиду, когда говорил о странных манерах зарубежных учёных и настоятельно советовал выучить имена главных выступающих от США.

В фойе буквально наткнулся на Сергея, но не Витальевича. Этот Сергей был на том же уровне, что и я в иерархии департамента, и давно метил на место своего тёзки.

– Здравствуй, Гена. – Он протянул мне руку, всегда слегка потную и до того маленькую, что неприятно с ним здороваться. Это чуть подпортило день.

– Привет, Сергей. – Всегда старался обращаться к коллегам по полному имени, но именно тут приходится себя заставлять проявлять вежливость. Я оттягивал момент рукопожатия, но по итогу сдался, ведь Сергей шёл рядом со мной по лестницам и до сих пор держал ладонь так, чтобы не получилось её проигнорировать. Я пожал потную руку и всеми мышцами лица постарался скрыть отвращение.

– Говорят, Сергей Витальевич сегодня не в духе. Кто-то из нас вчера неправильно заполнил журнал и теперь вылетит из списка членов конференции.

Вот теперь ладони вспотели у меня. Журнал вчера я заполнял со Светланой и не проверил, всё ли было правильно занесено в список документов, которым занималась как раз она. Я не доверял ей, уж больно поверхностная, и к научным работам подходит спустя рукава, не люблю такое. Вчера и правда стоило перепроверить, ведь она ушла раньше, и не пришлось бы всё равно нагибаться над её плечом и следить за каждой каракулей, что Светлана называет письменностью.

– Не выяснили ещё, кто бы это мог быть? – я старался унять трепет в голосе, доставая платок из нагрудного кармана пиджака. Ну вот, не спешил, а всё равно взмок.

Нас было четверо, помимо Сергея Витальевича. Я, Светлана, этот Сергей, что топал сейчас со мной, постоянно глядя каждому студенту в глаза из-под своих толстенных очков, и Андрей Николаевич. Хороший мужичок, был наставником для многих хороших преподавателей института. Помню, однажды он подарил мне учебник. Я сначала не понял, в чём смысл, ведь книжка была в общем доступе в библиотеке, но Андрей Николаевич, не забирая учебник из моих рук, открыл его и указал пальцем на исписанные поля каждой страницы. Там были исправления опечаток, к сожалению слишком часто встречающихся в изданиях восьмидесятых годов прошлого столетия, и ещё мелькали многочисленные пометки и мысли самого Андрея Николаевича. Я дрожащими руками закрыл книгу и душевно поблагодарил этого человека долгим рукопожатием. Для меня это представлялось честью – принять подобный подарок от столь талантливого учёного и преподавателя.

– Неа, думаю, на собрании и объявят. – Сергей шмыгнул носом и слегка поспешил вперёд, первым добравшись до двери.

Мы зашли в огромный зал совещаний. В среднем ряду сидел Андрей Николаевич и тихо сопел, задремав до начала собрания. Светланы ещё не было, что неудивительно. Она всегда

опаздывала, и повезло ей, что Сергей Витальевич частенько сам задерживался, прилежно готовясь выступать перед аудиторией.

Я сел за первую парту, исписанную ручкой. И как только студенты умудряются портить вещи прямо перед преподавателями? Сергей устроился рядом зачем-то, при этом ударившись об меня плечом. Я поставил портфель между нами и чуть отодвинулся в сторону.

Долго ждать не пришлось. Сергей Витальевич буквально ворвался в аудиторию, разбудив тем самым уже глубоко уснувшего Андрея Николаевича. Светлана вошла последней, тихо юркнув за соседнюю с моей парту. Зачем она делает вид, будто прячется? Нас тут всего пятеро.

– Здравствуйте, коллеги. – Сергей Витальевич громко поздоровался, глядя вниз на кипу бумаг, что улеглись толстым слоем на преподавательском столе. – Скоро конференция. Сегодняшнее собрание не было необходимостью для всех, просто обстоятельства сложились так, что мы полетим не впятером, а вчетвером.

В этот момент Сергей Витальевич скользнул взглядом по Светлане, крутившей золотистый локон своих волос на пальце. Признаюсь, я понадеялся, что она покинет наш коллектив, пусть и не навсегда, а лишь на время конференции. Пауза затянулась, и наш руководитель по итогу обвёл взором каждого, кто сидел напротив него. У меня ком в горле встал. Сергей легонько ткнул меня кулаком в плечо, заметив, видимо, как я побледнел и застыл. Капли пота на лбу уже скопились на бровях, готовые обрушиться вниз.

– Андрей, подойди, пожалуйста. Заполни эти бумаги и занеси в бухгалтерию по пути на кафедру. Я с ребятами обсужу детали. И спасибо, что заранее предупредил.

Серьёзный тон Сергея Витальевича меня заставил одеревенеть, и до меня не сразу дошло, что ни Светлана, ни мой сосед по парте, ни я сам не окажемся за бортом. Старичок, сидевший позади всех нас, медленно и немного крикнув, встал со своего места и забрал какие-то бумаги под руками Сергея Витальевича. Мы остались вчетвером, и я искренне пожалел Андрея Николаевича, но, кажется, он отказался от конференции сам.

– Итак, собираемся в аэропорту за два часа до вылета. Ждём у входа, чтобы не разминуться. Не забудьте паспорта и немного одежды. Доклады скиньте мне на почту, распечатаем уже в отеле. Нечего нам возить макулатуру за океан.

С этим Сергей Витальевич вышел, оставив нас троих наедине.

– Симонов сам отказался? Удивительно. – Сергей делал вид, что и правда в шоке от новостей, хотя по нему видно, что он всё знал заранее, просто решил пощекотать мне нервы. – Привет, Света!

– Здравствуй, Серёж.

Светлана уткнулась в телефон, умело имитируя дружелюбие. Вот за это я её уважаю, ведь *ещё* кому-то не нравится Сергей. Весь он такой какой-то, не знаю, ну вот прям, ну нет.

– Ребят, я в столовую. Пойдёте? – Светлана резко оторвалась от своих важных дел и повернулась к нам, сверкнув ногами из-под юбки, закрывающей разве что чуточку бёдер. Я успел поймать свой взгляд, резко сорвавшийся чуть ниже, чем позволительно.

– Да, конечно. Гена, идёшь с нами? – Сергей уже вскочил из-за парты, сильно её качнув, из-за чего она меня ударила по колену. Я не подал вида и склонился над своим портфелем, доставая зачем-то бумаги и тут же убирая обратно. Эти документы я увезу с собой в Штаты, на кой чёрт их вообще трогать до прибытия?

Из аудитории я вышел последним, тихо закрыв за собой огромную тяжёлую дверь. Институт резко притих, и мне стало неловко от того, что Сергей о чём-то громко вещал Светлане, держащейся от него на расстоянии вытянутой руки. Заметил её взгляд, резко вернувшийся в сторону аудитории. Там стоял я, прислушивающийся к тишине. Люблю, когда эти монументальные стены погружаются в беззвучный вакуум. Будь то время лекций или поздний час, когда подавляющее большинство уже давно разошлись по домам. Искренне обожаю вечера, когда

могу спокойно работать у себя в кабинете, проводив солнце за окном. Я сделал глубокий вдох и поспешил за Сергеем со Светланой, уже спускающимися по лестнице.

3

Я выехал заранее. Хотел первым прибыть к аэропорту. И каково же было моё удивление, когда по выходу из автобуса, попавшего по пути в жуткую пробку, у зоны для курения увидел Светлану. Она вальяжно потягивала тоненькую сигаретку, уткнувшись в телефон. Не знал, что она курит.

Я думал зайти внутрь и сделать вид, что приехал первым, но быстро задал себе вопрос – а зачем оно надо? Я приблизился к Светлане и поздоровался, но мой голос утонул в людском шуме вокруг. Светлана подняла голову и достала наушники, прятанные до этого за завитыми волосами. Она улыбнулась и убрала телефон с наушниками в маленькую сумочку, висящую у неё на плече. Неужели туда влезло всё, что может понадобиться девушке на трое суток?

– Привет, Гена. Как добрался?

– Да нормально. В пробку только встали, ну ты видела.

– Нет, я ехала по платной объездной дороге на такси.

В этот момент необъяснимое чувство собственной глупости захлестнуло меня с головой. Я наигранно усмехнулся и потупил взгляд. Сигаретный дым медленно окружал нас, вызвав резкий кашель из глубин моих лёгких. Я резко шагнул в сторону, чтобы прочистить горло, да и нос уже щипало. Не переносу табак. Мои хрипы тоже не было слышно из-за сотен людей вокруг, постоянно входящих и выходящих через главные ворота аэропорта, что были совсем рядом.

Я достал телефон, бесконечно листая скучную ленту новостей. Светлана покинула зону для курения и встала рядом со мной. Сначала просто озиралась по сторонам, но потом хмыкнула и достала снова свой огромный смартфон в чехле в виде мороженого. Я краем глаза увидел, как ярко сегодня накрашены губы Светланы.

Потом подоспел Сергей, и опять не Витальевич. Он протянул мне руку, и я снова быстро пожал её, не отрываясь от экрана телефона, несмотря на то, что лишь разглядывал фото, прикрепленные к постам. Сергей заговорил со Светланой, и это был скучнейший обмен словами. Даже мне стало неловко, не говоря уже о самой Светлане, которой пришлось всё это выслушивать, пусть и пассивно.

Я сверился с часами, до вылета совсем немного. Мы ещё не опаздывали, но в груди уже свербело то самое чувство, прямо как во снах, где ты никак не можешь никуда успеть. Я переминался с ноги на ногу и постоянно всматривался в прибывающую к аэропорту толпу, особенно обращая внимание на подъезжавшие автобусы. Ну и где же Сергей Витальевич? В случае чего мы, конечно, сможем улететь и сами, но без руководителя всё немного усложнится. Да и доклад будет неполным, у Сергея Витальевича ведь на бумагах основные выводы по проделанной за последний год работе.

Я уже придумывал, что буду отвечать в конце своего доклада после коллег, выступая третьим, как на лестницах появился Сергей Витальевич. Он не торопился несколько, манерным шагом приближаясь к нам. Не сразу нас заметил, стоявших маленькой группой, и резко свернул в нашу сторону, когда Светлана подняла ладонь и принялась ею размахивать.

– Здравствуйте. – Сергей Витальевич пожал нам руки, и Светлане тоже. – Как ваше настроение?

– Я отлично себя чувствую. Вчера специально лёг пораньше, чтобы встать и успеть ещё утром перечитать доклад. – Сергей говорил, чуть ли не брызжа слюной. – А вы как себя чувствуете?

Сергей Витальевич проигнорировал этот вопрос и присмотрелся к своим часам. Большие и громко тикающие. Их всегда можно услышать в аудитории, наполненной людьми. В его

присутствии ни один студент не решался заговорить во время лекции, и мерное тиканье – это единственное, что порой разрезало загустевшую тишину.

Мы прошли регистрацию, отстояв в огромной очереди. Ноги уже вконец онемели, и я молился о том, чтобы быстрее сесть в зале ожидания. Мест там не нашлось, кроме одного, и никто не был против, когда его заняла Светлана. Мы мужской компанией встали рядом, опёршись с трёх сторон на квадратную колонну. Сергей что-то насвистывал, и благо это было еле слышно. Я раздражался уже абсолютно от всего, желая поскорее очутиться на другом континенте. Старался не думать о длине полёта, это вгоняло в уныние, и пришлось уставиться в окно, находя себе развлечение в наблюдении за улетающими самолётами. Надо было книгу взять какую-нибудь. Что-то я не подумал.

У самого окна я заметил мальчика лет семи на вид. Очень худенький. Он прижался лбом к стеклу и вглядывался вдаль. Самолёты взмывали в небо, но взгляд мальчонки был направлен не на них. Куда он смотрел так пристально? Я попытался тоже приглядеться, но за полосами для взлёта лишь густой лес, прячущийся в наступающем тумане. Не отменили бы полёт, а то вдруг.

К мальчику подошла девушка, она взяла его маленькую ручку в свою и отвела к мужчине и женщине, читающим одну книгу на двоих. Завидев мальчика, женщина закрыла книгу, и на обложке я увидел большой христианский крест. Голос у женщины звучал взволнованно, она гладила светлые волосики на голове мальчишки и причитала, пока приведшей его девушке мужчина что-то сообщал. Семья, наверное. Девушка с мальчиком были очень похожи. Оба светловолосые, чуть ли не альбиносы, и жутко худющие, но крайне хорошо одетые, чего не скажешь об их отце – чернявом пожилom мужчине в каком-то подобии пиджака, ужасно измятом.

Я не слышал, о чём они говорили, но женщина всё время держала в руках книгу с крестом на обложке. Не похоже на библию. Эта книга была чёрная, с заклёпками и жёлтыми страницами, будто только высушенными после падения в воду. Мальчик потянулся к книге ручкой, но отец больше для вида, чем для наказания, ударил по ладони сына, чтоб тот перестал так делать. Мальчишка не стал хныкать, что меня удивило, а сестра его положила на пацанское плечо руку и погрозила пальцем. В этот момент женщина огляделась по сторонам, и наши взгляды встретились. Мне стало не по себе, и я тут же отвернулся, услышав, что Сергей Витальевич что-то рассказывал.

– Перед конференцией соберёмся у отеля. Мой коллега из Италии пообещал привезти немного Граппы². Я давно хотел попробовать, да и вам бы не мешало обоим немного расслабиться. Вон Гена весь вспрел. Ген, ты чего?

– А?

Я чуть не пискнул как подросток с ломающимся голосом. Только сейчас заметил, как вспотел, и быстро достал платок, чтобы утереться. Каким же мокрым он стал. Придётся в самолёте его вымыть, чтоб ткань не задубела. Думаю, платок мне ещё очень много раз пригодится.

Объявили посадку. Сергей Витальевич легонько прикоснулся к плечу Светланы, и та вздрогнула, видимо, задремав в какой-то момент. Она вскочила с места, безумными глазами озираясь по сторонам, и чуть не рванула к стойкам проверки билетов, забыв сумку. Я ногой преградил Светлане путь и взглядом указал на оставленные вещи. Светлана глупо улыбнулась и вернулась за своей сумочкой, со всё той же улыбкой на лице закатив высоко глаза и хлопнув легонько себя по лбу.

Мы выстроились в очередь. Получилось так, что я встал последним из нашей группы, и сзади в меня кто-то ударился, видимо от того, что сам я резко затормозил, чуть не наступив на пятки Светланы, обогнавшей меня. Я обернулся, там стояла та девушка с почти белыми волосами. Она поклонилась, но заговорила её мама, не дав дочери проявить вежливость вслух.

² Итальянский алкоголь.

– Ой, молодой человек, простите, пожалуйста. Соня, ты чего молчишь? Извинись! – Сухой трескучий голос сделал странный акцент на последнем слове.

– Прошу прощения, – Соня поклонилась ещё раз, а отец семейства, стоящий за всеми ними, пристально проследил, как его дочь кланялась мне будто царской особе. – Вам не больно?

– Нет, всё в порядке, спасибо. – Я поклонился в ответ, но как-то неловко, да ещё и капнув потом между собой и Соней. Мальчик это заметил и хихикнул, от чего получил лёгкий подзатыльник от отца. До чего же они не похожи на родителей.

Оба взрослых были очень полными, прямо еле влезавшими в свои простые одежды, в то время как оба ребёнка выглядели как вешалки для вещей, ещё и оба высокие. Мальчишка уже был почти одного роста со своей матерью, короткостриженной и очень кудрявой женщиной, постоянно озирающейся вокруг. Книгу она до сих пор сжимала в своих неказистых руках, используя палец как закладку.

Я отвернулся к стойкам. Оказалось, что от этого получилось пространство между мной и Светланой, и туда уже вклинились несколько человек. Мужчина в спортивной костюме, держащий огромную походную сумку за спиной, и два молодых парня. Они матерились тихо, но всё равно слышно, и аж уши в трубочку сворачивались от их наглости. Я увидел, как Сергей Витальевич погрозил мне пальцем, уже пройдя контроль на посадку. Мои дрожащие руки сжимали билет, я поспешил, уже понимая, что собираю негативные реакции от окружающих, задерживая уже изрядно накопившуюся и растолстевшую очередь.

Я знал, что сидеть буду рядом со Светланой, устроившейся уже у окна, и ещё больше обрадовался, когда Сергея определили вообще на другой ряд. По итогу у меня будет достаточно места и времени, чтобы попытаться проспать большую часть долгого полёта. Я помог Сергею Витальевичу, изрядно запыхавшемуся, закинуть вещи на полки и сел на своё место. Сейчас ощутил, как от Светланы приятно пахло. Вкусные духи, я невольно потянулся носом к их источнику, резко оторвавшись, когда Светлана достала телефон и попыталась сделать селфи со всеми нами, уже разошедшимся по своим местам, но севшим ровно в ряд, чтобы попасть идеально в кадр. Я успел наполовину отвернуться, прежде чем послышался щелчок в телефоне. Заметил, как вышел смазанным, будто случайный дефект на старых глянцевых фото.

Рядом кряхтел Сергей Витальевич, всё никак не попадавший ремнём безопасности в механизм. Я уже потянулся руками, как руководитель сам справился и словил мой взгляд. А вот Светлана попросила меня помочь с ремнём, и я случайно коснулся её предплечья, вставив замок. Она улыбнулась и уставилась в окно, где туман уже практически скрыл здание аэропорта. Странно, что полёт всё-таки состоится, я уж боялся, что перенесут. Хорошо, что Сергей Витальевич взял билеты не на сам день конференции, а раньше, и даже при переносе рейса мы бы всё равно попали на международную встречу. Если конечно перенос не был бы существенным.

Я гонял эти мысли в голове и не заметил, как большинство уже разбрелось по рядам, и стюардессы сновали туда-сюда, проверяя каждого пассажира. Сергей отклонился назад, показывая специально, что ремнём он и правда пристегнул своё тощее тело, за что стюардесса вслух его поблагодарила.

Начался инструктаж, изредка перебиваемый младенческим плачем откуда-то из хвоста самолёта, и уставший женский голос постоянно шикал на этот плач. Но ситуация, очевидно, не менялась. Сзади громкий кашель заставил меня вздрогнуть. Я схватился за подлокотники обеими руками, зацепился взглядом за макушку сидящего передо мной человека. Лысая плешь, вертящаяся из стороны в сторону. Она поблёскивала в свете ламп салона. Инструктаж закончился, и самолёт двинулся. Я соединил колени и стиснул зубы. Чёрт, как же я боялся полёта, хоть и жаждал как ничто иное.

– Всё в порядке, – Светлана заметила моё волнение и достала из сумочки бумажный пакет. Меня и правда затошнило, но больше от вида самого пакета, чем от головокружения при движущемся самолёте.

– Нет, спасибо. Просто волнуюсь немного.

– Тогда держи конфетку, чтоб уши не заложило. – Светлана протянула мне маленький мятный леденец, я взял его и тут же закинул в рот, чуть не забыв снять фантик.

Холодящий вкус на языке помог немного отвлечься, но я думал, что буквально эякулирую, когда самолёт набрал скорость и оторвался от земли. Пришлось зажмурить глаза, всем телом ощущая каждый наклон самолёта, его подъём в воздухе, будто сам я находился снаружи и летел рядом, повторяя движения как дразнящийся мим.

Кто-то спереди похлопал в ладоши будто при посадке, когда самолёт более-менее выровнялся, и в окнах показался уменьшающийся и прячущийся в тумане город. Теперь я смог немного успокоиться и отпустить заостренными пальцами подлокотники. Один из них тут же занял Сергей Витальевич, вытянув ноги вперёд. Коротенькому руководителю легко, а вот мне прижглось прятать длинные ноги под передним сидением, чтобы никому не мешать, но при этом больно упираясь коленями. Я закрыл глаза, думая, что усну, но быстро осознал, что сердце бьётся слишком часто, и нет ещё привычки к ощущению полёта. Тем более что он у меня первый за всю жизнь.

Мы будто летели уже несколько суток, и я ужаснулся, когда на часах увидел еле сдвинувшиеся стрелки. Сергей Витальевич давно отстегнул свой ремень и уже громко храпел, широко открыв рот. Кто-то в стороне цыкал каждый раз, когда мой руководитель пытался перебить любой разговор вокруг. Светлана несколько раз бегала в туалет, и мне приходилось поджимать ноги почти до неестественного положения тела. Каким-то образом она перепрыгивала Сергея Витальевича, даже не нарушая его сна.

Свой ремень так и не отстегнул. Прошла пара часов, а я только сейчас начал приходить в себя и перестал обильно потеть. Надо бы вымыть уже грязный платок, но вставать буквально страшно. Я никогда не понимал, как всем вокруг хватает смелости гулять по самолёту, он же так высоко, он трясётся на каждой еле заметной волне воздуха. Меня покрыл холод, надо бы отвлечься.

Раздавали еду. Я отказался, всё ещё испытывая неприятные булькающие ощущения в животе. Аппетит окончательно пропал, когда я увидел, как Сергей Витальевич жадно и быстро ел бутерброд, запивая его соком. Хлеб, пара кружков огурца и тонкий ломтик сыра. Выглядело и правда отвратно.

Стюардесса, очень высокая девушка с синей пилоткой на идеально убранных волосах, пыталась не повышать голос в сторону пассажира. Кудрявый светловолосый иностранец. Он активно махал руками и явно ругался на английском, но даже при моём неплохом знании этого языка я почти не мог ничего расслышать кроме расплывчатых угроз и негодования по поводу багажа. Потеряли, наверное. Хотя, как это вообще возможно?

Самолёт тряхнуло. И Сергей Витальевич даже по-особенному всхрипнул, после чего вернулся в свой обычный режим. Светлана вернулась в очередной раз из уборной и даже не дождалась, пока перестанут мешать мои ноги. Она просто прыгнула на своё место и чуть не свалилась на меня. Самолёт тряхнуло ещё раз, и я схватился за свой ремень, проверив, действительно ли он защёлкнут и как туго.

В салоне стало темнее, свет приглушили зачем-то, и я пытался дышать глубоко и размеренно, но получалось через раз. Над нашими головами загорелось табло «защёлкнуть ремни». И даже проверившись пару минут назад, я опять взял в трясущиеся руки замок. В горле пересохло, и самолёт тряхнуло ещё раз. На этот – очень сильно.

Меня оторвало от места, и я больно приземлился обратно, отбив и без того онемевшую задницу. Светлана невольно вскрикнула, а Сергей Витальевич сматерился сквозь разорван-

ный сон. В динамиках сначала послышался короткий, но громкий свист, а потом напряжённый хриплый голос капитана. Он предложил сохранять спокойствие и не покидать своих мест. Стюардессы все мигом ринулись к кабине, еле удерживая равновесие на ходу. Они пропали за ширмой, но в последний момент получилось разглядеть, как одна из них судорожно свалилась на специальное сидение и тут же защёлкнула свой ремень, закрыв лицо.

Самолёт тряхнуло до безумия жёстко. Люди начали роптать, детский плач витал над всеми остальными голосами как фоновый, но постоянный звук, из-за которого аж зубы сводит. Сергей, сидя от нас отдельно, постоянно смотрел в нашу сторону и хватался за всё, что попадалось под руку – воротник рубахи, подлокотник, ремень сидения, штанина, редкие волосы, очки...

Я уверял себя первые секунд пять, что мне показалось. В сгустившихся сумерках снаружи что-то полыхнуло синим, а потом жёлтым, и если синее пропало, то жёлтое только набрало обороты. Самолёт резко накренился в одну сторону, и мне на голову упала кислородная маска.

Блядь!

Я не запомнил инструктаж, просто потому что его не слушал, не мог никак сконцентрироваться. Натянул неаккуратно маску, и в лицо ударил прохладный сладковатый воздух. Или я подумал, что он действительно сладок. Самолёт качало, будто крылья его стали совсем тонкими и болтались на ветру, как перья птицы, залетевшей в центр вихря. Теперь уже окошко, прятавшееся всё это время за головой Светланы, озарилось красным, и я увидел всполохи огня, искры, особенно выделяющиеся на фоне полностью почерневшего неба.

Я не помню, что там прокричал капитан в трубку, слишком глупо выглядели его попытки достучаться до пассажиров, орущих что есть сил в падающем самолёте. У меня всё внутри сжалось, я невольно сомкнул веки и не смог никак их открыть, вообще утратив связь с миром, что растворялся вокруг меня. Звук разрезаемого воздуха и гнущегося металла забил мои уши, но перед последним ударом опять послышался он – детский вопль.

4

Я открыл глаза, увидел чистое небо и ничего кроме него. Потом в синеве без единого облачка показалось пятно. Оно издало птичий вой. Затем, отрастив крылья, пятнышко слегка увеличилось и пропало за краем моего взгляда.

Ушей коснулись звуки брызг и слегка раздражённой водной глади. Маленькие песчинки перекатывались и смешивались с музыкой пенящихся волн. Подул ветер, и холод пробежал по моим мокрым конечностям, тут же наполнившись тупой болью. Я зажмурил глаза и пропал в своей же голове.

От одного виска до другого прыгал назойливый колокольчик, пряча каждую мысль подальше куда-то в затылок, где кожа жглась особенно сильно. Я попытался поднять руку, чтобы ощупать больное место, но сил не хватило, и я остался лежать.

Голоса появились и тут же пропали. Я перестал чувствовать себя совершенно покинутым в этот момент. Люди где-то рядом, а значит, что всё не так уж плохо. Может, они помогут мне? Наверное, кому-то намного хуже, и ему оказывают помощь. Ничего, потерплю. Кажется, я более-менее в порядке. Ну да.

Взрыв обдал жаром. Время замедлилось, и над моей головой полетели горящие обломки. Как кометы, видимые даже в дневном небе. Я загадал желание – закрыть глаза и очутиться в своей постели, поспать ещё немного. Боже, как же хочется спать.

Обломки падали вокруг меня, вздымая песок. Люди закричали, люди разбежались, и их голоса растаяли, поглощённые ворчанием океана. Где я сейчас? Подо мной точно земля, хотя мы... мы же летели, а потом... там был грохот и огонь. И вот... мы все здесь. Где же остальные? Почему опять их не слышу? От ощущения беспомощности у меня намокли глаза. Капельки еле вылезли и прокатились по щекам. Больше не получилось.

Мимо меня пробежал человек и снова пропал, я его не видел, не слышал, совершенно не ощущал. Небо кружилось надо мной, и стая птиц вертелась прямо посередине, сужаясь в центре, как мишень. На лоб брызнула вода. Я потянулся за платком, но не нашупал его. Не нашёл и кармана, и пиджака, на котором он был. На мне одна рубаха? Получается так.

Живот зачесался, я поднял руку и утолил жажду. Немного больно было, но уже лучше. Я потянулся и расслабился, просто выжидая, что же случится дальше.

Послышался ещё один взрыв. Мимо меня пролетели несколько силуэтов, при этом крича будто под водой. Я слышал их слишком расплывчато, ощущая лбом надвигающуюся тьму, и, пропадая в этой тьме, чуял духи. Такие же были у Светланы.

5

Наверное, меня кто-то оттащил от берега, потому что я очнулся, спрятанный в тени тоненького дерева с пышной зелёной кроной, похожей на зонт. Сначала я ощупал землю под собой – влажная трава и земля. Пришлось сжать в руке несколько травинок и опереться локтями, чтобы подняться. В воде дымило, метрах в ста от нас, собравшихся в одном месте. В океане что-то горело и из последних сил пускало вверх чёрные клубы. Крыло самолёта медленно уходило ко дну, это я смог разглядеть, пока пламя доживало последние секунды.

Все началось с того, чем и закончилось в прошлый раз. Детский плач был сдавленным, но всё равно звучал громче окружающих его голосов. Я обернулся по сторонам, ощутив дикую боль в правом плече, будто мышцу разорвало, и лишь одной частью тела могу что-то сделать. Знакомых лиц нет, и не за кого зацепиться хоть сколько-то родного. Иностранец, который ругался со стюардессой, да, его помню. Он наматывал круги по песчаному пляжу и чертыхался на своём языке. Опять.

Я попытался встать, но чья-то сильная рука меня усадила обратно, взявшись за моё больное плечо. От боли из меня чуть ли не вырвался свист. Это был мужчина в очках, и его залысина, мелькнувшая на солнце, помогла узнать в нём пассажира, сидевшего передо мной в самолёте.

– Постарайся не двигаться. У тебя голова разбита, – шептал он своим бархатным голосом, – среди нас был доктор. Сейчас он поможет девушке и возьмётся за тебя.

Не о Светлане ли он говорил?

– Гена, очнулся! – ко мне подбежал Сергей и чуть не сжал в объятиях, резко остановившись в последний момент. – Я уж боялся худшего. Сам ни царапины не получил, а кого-то совсем того.

Из толпы на него шикнули, и Сергей сбавил обороты. Он пускал слюни, когда особенно увлекался своими словами и вообще забывал делать вдох, от чего порой сипел, набирая полные лёгкие.

– Сергей Витальевич тебя притащил за ворот. Вообще не представляю, как ему это удалось. Он же проплыл почти тридцать метров, удерживая и тебя и себя на поверхности! Мировой мужик!

На Сергея опять шикнули, и он решил спрятаться подальше в тени захудалого дерева, еле уместившего человек пять от силы.

Пока не думал – не болело. На затылке я ощущал неприятную пульсацию, а ногами – жар солнца. Сквозь маленькие листочки видно до безобразия чистое небо, в очередной раз меня поразившее. И теперь даже птицы пропали куда-то. Мои стопы выбивались из тени и открывались дневному жару. Приятно, пусть хоть подсохнут. Я подвигал ими из стороны в сторону, боясь ощутить боль. Вдруг, что-то сломалось при... падении? Мы и правда упали?

– Серёж? – я позвал очень тихо, но меня услышали.

– Да, Ген? – Сергей подполз ко мне на четвереньках, прижавшись почти вплотную своим лицом к моему. Я даже ощутил запах из его рта – хлеб и огурцы.

– Что случилось?

– Взорвалась турбина. Один из пилотов выжил. Он сказал, что с турбиной и при взлёте что-то было никак, но в диспетчерской приказали лететь. И вот так случилось, что ударила молния прямо в эту турбину, и самолёт начал падать. Ты ничего не помнишь?

– Почти. Кажется, я отключился практически сразу после взрыва.

– Мы долго падали. То набирая каким-то чудом высоту, то устремляясь вниз. Я думал, что умру от разрыва сердца, и не дышал почти до самого столкновения с водой.

– Сергей Витальевич и правда меня вытащил? – я до сих пор не верил ни в то, что выжил, ни в то, что мой уже пожилой, не отличающийся силой и выносливостью, руководитель сохранил мне жизнь. – А Светлана?

– Она тоже уцелела. С пилотом и ещё двумя молодыми парнями ушла разведать местность. Представляешь, упали у самого острова посреди чёртового океана! – На Сергея шикали снова, но в этот раз он шиканул в ответ. – Ну ладно, не чёртового, а Атлантического.

Сергей резко замолчал, и я проглотил ком слюны, оказавшийся будто последним, и сухость заполнила рот. Даже язык онемел.

– Остаться бы и Свете пока, но усидеть на месте – разве это она может? Бедняжка сильно ободрала ногу и вприпрыжку пристроилась к маленькой группе. Вот только что отошли. Она как узнала, что ты выжил, как-то расслабилась даже, улыбнулась. А то смурная сидела, ждала, пока ты глаза откроешь. Я тоже подумал, что очнёшься, а потом отключишься уже без возврата, как женщина с ребёнком.

– Они погибли? – я вспомнил про резко прекратившийся плач и слишком быстро мотнул головой, тут же об этом пожалев.

– Нет, малышка выжила. Вон, пищит не переставая, вся целёхонькая. А вот мамка её утонула. Не спасли, к сожалению. Она протянула руки вверх, поднимая своего младенца, а сама...

Мужчина велел Сергею буквально заткнуться, на удивление сам Сергей потупил взгляд и правда прекратил. Я представил, как это могло случиться, и теперь мысль никак не хотела покидать голову. Отвратительно, безумно отвратительно. Жаль всех тех, кто погиб столь ужасной смертью, а ещё жаль тех, кто выжил. Я не верю, что нам удастся спастись.

Доктор подбежал ко мне, и я даже хныкнул, пожелав присоединиться к погибшим. Мужские руки меня медленно и аккуратно перевернули, уложив на бок. Что-то холодное прикоснулось к затылку, и потом всё сильно зачесалось.

– Я вам промою рану, обработаю, но забинтовать особо нечем. Уже потратили до вас. Простите, пожалуйста. – Доктор искренне извинялся, и я, как, наверное, и большинство окружающих, не понимал, за что ему испытывать вину. Самолёт упал не из-за него. – Есть у кого-нибудь нож?

У меня округлились глаза, и я попытался улечься обратно на спину, но мне не дали две руки, упёршиеся между лопаток. Я повторил попытку, но ничего. Бесполезно – слишком слаб.

– Я отрежу вам часть рукава и перевяжу голову. Вы не против?

Не против чего? Порвать мою любимую рубаху или намотать грязную тряпку мне на рану? Я по итогу промолчал. Кожи коснулось прохладное лезвие, и рубаха затрещала, открывая моё слегка худощавое тело нагретому воздуху. Я облизнулся, ощутив соль на губах, и убрал язык обратно. Лучше так не делать, а то аж лицо сводит, противно. Доктор закончил портить мне одежду и приподнял мою голову, чтобы обмотать её. Меня оставили на боку, после этого и правда полегчало. Я выдохнул спокойно, будто от затылка убрали медленно тлеющую спичку, перестав глумиться над моим столь унижительным положением.

Взрыв заставил вздрогнуть всех, и волна воздуха добралась до нас.

– Смотрите, тонет!

Кто-то крикнул, и я попытался привстать, но не вышло. Пришлось развернуться, не отрывая головы от прохладной травы, чтобы увидеть последние всполохи огня. Всё, и дым теперь пропал. Окружающий мир резко погрузился в гнетущую тишину, и я даже на секунду подумал, что оглох от взрыва, но потом зазвучали шаги. Люди разбредались в разные стороны, но никто не пошёл к берегу, оставив его полностью открытым передо мной.

Теперь там только волны, вдалеке назревают тучи, и прохладный ветер добрался до моего ссохшегося лица. Я опять машинально облизнул губы, собрал всю соль и уложил во рту, ощутив

настоящий голод. Как-то пожалел даже, что через силу не перекусил в самолёте, пока была возможность. Хотя, кто мог знать, что это будет моим последним приёмом пищи?

7

К вечеру развели костёр. Группа ушедших разведывать остров вернулась ближе к ступающим сумеркам. Светлана, появившаяся из густых кустов последней, бросилась ко мне, лежащему недалеко от небольшого огонька, где вокруг собрались все выжившие. Я уже смог приподняться и обнять её в ответ, ощутив странное тепло на плече и всхлипывания девушки. Не ожидал этого, и даже как-то неловко стало перед Сергеем, сидевшим совсем рядом.

Семья со странными светловолосыми детишками расположилась немного обособленно, постелив на траву листья невысоких пальм. Они всё время шелестели, никак не в силах нормально устроиться на жёстких лепестках. На семейку все оборачивались, когда мама, сумевшая спасти книгу с крестом, громко читала что-то с пожухлых страниц, периодически обращаясь лицом к тем, кто собрался вокруг костра. Жутковато было слышать уставший и отчаявшийся голос откуда-то из темноты, особенно когда дым застилал глаза. Лишь этот голос, возвышающийся над нами на языке, чуждом обывателю.

Сергей Витальевич всё время сидел у воды, и порой у меня получалось разглядеть его маленький силуэт. Я хотел подойти и поблагодарить лично, но сил хватило лишь на то, чтобы хоть немного привстать и отвернуться от назойливого жгучего дыма. Только треск хвороста и еле уловимый шум успокоившегося океана. Он был будто рад, что мы с ним столь близки в этот час.

– У меня осталась шоколадка, – очень тихо сказал один из молодых парней, вернувшихся из экспедиции, – будет кто-нибудь?

Все явно стеснялись принять предложение, вертя взглядами по сторонам. Парень держал руку навесу, по очереди указывая батончиком на каждого, но все молча отказывались, одновременно желая, чтобы хозяин сладости, столь ценной сейчас, предложил ещё раз и уже более настойчиво. Согласилась только женщина, держащая малышку, одному Богу известно, каким образом выжившую. Ей помогли распечатать шоколадку, она одним пальцем потёрла батончик и смазала губы младенца. Сама съела остальное. Выглядело странно, но ребёнок довольно поворчал и улыбнулся, и даже я это увидел, почти прижатый к траве.

Атмосфера будто немного разрядилась, и Сергей Витальевич вернулся из своего уединения, молча сев напротив меня. Его что-то глодало изнутри, и больно было наблюдать за его измождённым и лишённым надежды видом. Руководитель палочкой ковырял угольки, ветром подхваченные и унесённые к его ногам.

– Кто-нибудь знает анекдот?

– Я знаю хороший про гвозди, – успел выкрикнуть Сергей, – мама собирает сына в школу и...

– Стоп!

– Это был лысый мужчина в очках. Он медленно встал, опираясь руками о землю, и выпрямился во весь рост. Его могучая фигура в слабом свете костерка казалась по-настоящему внушительной, и длинная тень протянулась почти до самой глади воды. Он поправил свой свитер и отряхнул сзади штаны, будто подготовившись читать лекцию, надвинул очки и прокашлялся.

– Друзья, нам нужно решать, как выбираться отсюда. Я предлагаю для начала продержаться огонь до утра, выставив караульных, иначе рискуем замёрзнуть в такой близости к воде, а идти в чашу слишком опасно. Согласны?

Никто не знал, как отвечать, и по одному все просто подняли руки, кто-то кивнул, и мужчина обернулся к семье, что сидела в стороне. Они конечно всё услышали, и даже при безмолвном обращении хором кивнули, будто заранее договорившись. Все молчали, ожидая

продолжения. У нас появился негласный лидер, и никто не был против. Это очень даже хорошо, что мы определяемся в этом вопросе.

– Есть добровольцы на первую ночь?

Встали двое парней. Оба в футболках, обтягивающих атлетические тела. Парни были очень похожи на лицо, возможно, братья. Мужчина кивнул им в ответ и продолжил.

– Завтра двинемся на исследование острова. Нужны самые здоровые, одного желания уже будет недостаточно. Да, девушка, я о вас говорю, – все обернулись к Светлане, поспешившей спрятать раненую ногу. Тонкая полоска крови осталась на её одежде, а на лбу протянулась ссадина. – Парни останутся спать, чтобы не выбиться из сил попусту. Утром уже точно решим, кто отправится, но сначала раздобудем еды на ближайшей территории.

Интересно, смог бы я предлагать такие же очевидные, но всё-таки не самые простые вещи? Этот человек брал на себя огромную ответственность, и даже если он ни разу не назовёт себя командиром, к нему всё равно будут обращаться подобным образом. Тем более у нас ещё есть ребёнок, а это добавляет баллы к общей панике. Кто вообще будет за ним присматривать? Та женщина, взявшая малышку из рук утонувшей, вряд ли посвятит остатки жизни чужому дитяти.

– Нам надо раньше лечь спать, чтобы уже с восходом солнца заняться делом. Выставим опознавательные знаки, какие угодно, лишь бы дать знать случайному...

– Мы посреди сраного океана за тысячу километров от ближайшего берега. Это случайная точка на карте, – Сергей Витальевич не повысил голос, но зарычал, бросив палочку в костёр, от чего искры взмыли вверх, как и сам говоривший, – мы тут погибнем. И самый главный вопрос – не кто будет бананы трясти с пальмы, а как долго продержимся, пока не помрёт последний.

– Прекратите сейчас же, – заговорила женщина, державшая ребёнка на руках, – если вы не верите в нас, то это ваше право и ваша же проблема! Остальные согласились с этим мужчиной и будут следовать его плану.

– Нет, это не мой план, я...

Женщина его перебила, подняв вверх свободную руку.

– Мы ни в коем случае не сдадимся и не позволим таким портить общий настрой. Верно я говорю?

Парочка жиденьких откликов всё-таки прозвучали, но над нашими головами повисли вопросы, постепенно оставляя место одному – и кто же из них прав? Я тоже не верил, что уже получится покинуть остров живым, но что-то до сих пор толкало не думать о смерти, как о чём-то неизбежном. Просто не хочу погибнуть здесь и вот так – пережить крушение самолёта, но сгинуть от голода. Стыд, да и только.

– Ну вас всех нахуй. *Верно я говорю*, э, блаженные? – Сергей Витальевич отвратительно неприятным тоном обратился к семье, уже подсевшей ближе. Мама закрыла девочке уши, еле достав до них руками. Для этого ей пришлось положить книгу на лист пальмы. Отец же обнял сына за плечо, и они оба грозно посмотрели на моего руководителя, который меня за последние несколько минут сильно разочаровал. Я постарался избежать его взгляда.

– И ладно. Больно надо будто...

Сергей Витальевич отошёл в сторонку, снял кофту, оставшись в пропотевшей майке, и постелил её под собой. Он улёгся спиной к нам всем, но достаточно близко, чтоб не окоченеть вдали от костра. Опять молчание, и все решили, что и правда пора на боковую.

Я не мог уснуть, самой собой. Как минимум из-за вернувшейся боли на затылке. Семья верующих постоянно громко ворочалась на пальмовых листьях, а кто-то вообще бормотал. Во сне или наяву, неважно, всё равно мешало слышать даже свои мысли.

Сложно держать в неподвижности ноющие ноги, повернувшись ими к костру, но приятное тепло медленно помогало расслабиться. Жилы всё равно ещё бренчали, как слишком

сильно натянутые гитарные струны. Вот-вот оборвутся, и музыке конец. Я придумал это сравнение, уже ощущая возрастающую мягкость травы под собой. Я засыпал, слыша храп Сергея Витальевича.

8

Проснулся первым. Вчерашняя безумная ломота отступила, и я даже не сразу вспомнил о пропавшей боли, встав во весь рост и потянувшись. Остальные ещё спали, собравшись вокруг почти дотлевшего костерка. Двое парней, вызвавшиеся держать караул до утра, похрапывали, привалившись к плечу друг друга. С другой стороны, до восхода солнца, уже выглядывающего из-за океана, они дотерпели. Сейчас тепло, и главная задача огня была выполнена.

Я перешагнул нескольких людей, которых не узнавал со вчера. В темноте не разглядел, или в бреду вообще не отметил. И теперь нас, по примерным подсчётам, человек двадцать. Ах да, и ещё четыре – набожная семья. Я прошёл мимо них к океану, ступая аккуратно по громко шуршащему в этой тиши песку с ракушками. Отвратительно спокойная гладь навевала странное ощущение, будто вот-вот что-то должно произойти, но никак не случается, натягивая нервы до новых пределов. Мне захотелось крикнуть, и я даже руку поднял, чтобы заглушить свой голос, но сдержался в последний момент. Как же хочется, чтобы события последних суток были лишь кошмаром, и скоро я очнусь дома, встану и умоюсь, накормлю кошку и уеду в институт проводить лабораторную для студентов.

Странная вода и правда будто застыла. Это же океан, в конце концов, почему он ведёт себя так же, как вода в аквариуме?

Я двинулся вдоль берега, идеально ровного, словно очерченного по линейке. Ни одного изгиба или выбоины, холмика из ила. Словно очищенная запруда посреди мегаполиса. Я отошёл от группы, оставив дым от костра за спиной. Тоненькая серая полоска еле виднелась из-за крон пальм, густо покрывавших этот участок острова.

Даже камней нет. И песок мягкий какой-то, и вообще... в воде что-то блеснуло. Я приблизился к океану и остановился у самой полоски между песком и водой. Там, в еле заметном слое жидкости, сверкала точка, ловя первые лучи солнца. Я протянул руку, но точка тут же погасла, потерявшись в моей приблизившейся тени. Будто выроненное кольцо, серьга. Я выпрямился и посмеялся сам над собой. Будь это и правда драгоценность, какой от неё толк сейчас? Хотя, можно было бы подарить Светлане. Вдруг, это её отвлечёт от раны на ноге.

Я двинулся обратно и заметил мужчину у того места, где сам стоял несколько минут назад. Это был отец светловолосых детишек. Он меня тоже увидел и махнул рукой, чтоб я оставался на месте, ринувшись ко мне безумно неуклюжей трусцой. Из-под его косолапых ног вырывался песок и летел в разные стороны. На его лице проглянула нелепая улыбка, когда между нами осталось метров пять. Странно, когда он стоял там, то казался выше, а теперь мне приходится почти опускать подбородок до груди, чтобы смотреть в чужие глаза.

– Доброе утро, меня зовут Вячеслав. Мы виделись в аэропорту, – мне протянули ладонь, и это оказалось более крепкое рукопожатие, чем я ожидал. В этом коротышке огромная физическая сила, пусть и спрятанная под слоем жира. – Я отец Сони и Казимира. Моя жена, Влада, ещё спит, вот я решил прогуляться, а тут вы...

– Геннадий. – Мы пожали руки ещё раз, ведь я не смог отказать этому жесту. Приличия, впитавшиеся в мозг слишком глубоко.

– Очень приятно, Гена.

– Геннадий.

– Я так и сказал, – он или отлично делал вид, что не понимает, либо нагло продолжал давить, и мне это безумно не понравилось. Я скрестил руки на груди и посмотрел сквозь него, словно через растение на подоконнике. – Как думаете, кто сегодня пойдёт на разведку?

– Даже не знаю. А что, вы хотели стать добровольцем?

– Вообще да, – я удивился ответу Вячеслава, будучи уверен, что он наоборот попросит меня во что бы то ни стало при напряжённой ситуации его подменить, чтоб он сам остался на

берегу гладить жену за плечи. – Хочу показать Казимиру природу. Он же в городе только в зоопарке был разок, а тут – красота.

– Там могут быть опасные хищники, мы же в дикой...

– Ну да, да. Но их может и не быть! Кстати, как думаешь, кто станет нашим лидером?

– Мужчина вчера вроде бы ясно дал понять, что он...

– Ну это на сегодня, а потом, когда пройдет время? – меня снова перебили.

– Я об этом не думал даже.

– А стбит! Потом и женщин надо поделить. Мне повезло, что у меня есть Влада, а ты бы пригляделся к той девушке с раной на ноге. Может, тебе с ней повезёт?

Я искренне удивлялся. Из меня точно строят дурака. Я молча обошёл Вячеслава и, опустив руки в карманы измятых брюк, медленно побрёл к группе. Услышал, как Вячеслав не сразу, но рванул за мной. Не вижу, но отлично представляю, как он своими кочерыжками семечит по песку. Неприятный мужчина. Он обогнал меня и бросился к жене, поцеловал её в губы. Все уже потихоньку просыпались, и два парня с сонными лицами делали вид, что не задремали в карауле. Что ж, я их не заложу.

Костёр уже погас, я встал рядом с остальными. Некоторые покачивались, слишком резко вырвавшись из неги. Да и спать на голой траве та ещё мука. Тело не отдохнёт как следует и по пробуждении даст понять, в чём ошибка.

– Доброе утро всем, – мужчина в очках на этом моменте зевнул, широко раскрыв рот и встав почти над кострищем, чтобы его точно видели и слышали все. – Я подумал и решил, что возглавлю разведывательную группу. Кто-то есть в добровольцы?

Мужчина в спортивном костюме поднял руку и снял ветровку. Она была на нём ровно такая же, как и вчера. Будто мы и не переживали крушение самолёта. Один из парней тоже поднял руку, но получил молниеносный отказ от мужчины в очках.

И я только сейчас подумал, что не знаю его имени, а так хочется. Для меня это признание в каком-то роде. Папа ещё говорил, когда учил обращению со старшими по возрасту и по званию. Папа не был военным, но воспитывал, словно им являлся. Интересно, как там родители? Наверное, уже все узнали, что самолёт пропал и не достиг пункта назначения.

– А вы? – мужчина, всё ещё стоя над самым костерком, обратился к иностранцу, теребящему свои запутавшиеся кудрявые локоны. Он увидел, как к нему все обернулись, и опустил руки по швам, напрягая лицо и краснея.

– I don't know your fucking hobo language! Piss off!

– Ага, понял. Спасибо.

Большинство знали английский, и только иностранец со странным акцентом, явно не британским, не разбирался в нашем языке. Непросто придётся, он уже начал хамить с самого старта.

– What did you say? Someone, is there anyone here is able to translate this monkey noises? – он говорил медленнее, словно с большими на голову, произнося каждое слово чуть ли не по слогам.

– I said shut your dirty mouth and listen here, – мужчина ответил сам, пусть и с искажением в произношении отдельных слов, но вполне понятных любому, кто хоть как-то знаком с английским. – You will stay here and make sings with stones on the beach. Get it?

Иностранец хмыкнул и показательно отвернулся, уйдя к берегу искать камни. Он делал это с таким видом, будто сам решил заняться составлением сигнала. Его глупая растерянность не была для меня загадкой – камней на пляже нет.

– Итак, мне нужен ещё один.

– Можно я? – послышался голос Вячеслава. Он ворвался в наш круг, держа крепко за руку растерявшегося Казимира. – Я и сына возьму. Можно, да?

– Нет.

Я знал причину отказа. На коротких ногах с грузным телом далеко не заберёшься, а обуза им ни к чему. Стоит побыстрее узнать, где нам «повезло» оказаться и решить вопрос со спасением. Обида наполнила лицо Вячеслава, его губа затряслась, и не успел он уйти обратно, как его жена, Владислава, подбежала к нам, чуть не запнувшись об спрятавшийся в траве корень.

– Вы не имеете права отказывать моему мужу! Вы что, совсем обезумели! Что вы делаете, кем себя возомнили? Он лучше каждого из вас!

Вячеслав молча оттащил жену подальше, и крик её затих, словно пропавший за сотни метров отсюда. Бедный Казимир остался на месте, сжимая свои маленькие кулачки и глядя в землю. За ним подбежала сестра и стремительно увела его подальше от нас. Они все ругались, но как-то неслышно, словно разыгрывая спектакль или сцену немого кино.

– Я пойду, – слова еле вырвались из моего рта. Я боялся, но кроме себя не видел никого готового согласиться. А пауза и без того затянулась, мы все выглядели жалко.

Я старался не смотреть по сторонам, чтобы не собирать чужих взглядов, и в особенности Сергея Витальевича. Мне показалось, что за подобную инициативу получу выговор. Так уже было раз, хоть и ситуация тогда сложилась совершенно иная. Там не было самолёта, острова и безумной семейки.

Все молча снова собрались вокруг костра и уставились в его останки. Братья, если я до сих пор не ошибался, спрятались под тенью пальмы, подложив под себя лёгкие куртки. Они быстро уснули, скорее всего еле продержавшиеся в скуке и тишине эту ночь. Мы втроём сгруппировались у начала густой чащи. Оттуда веяло каким-то холодом и запахом аммиака. Ни с чем его не спутаю.

– Меня зовут Александр, – мужчина в очках протянул мне руку, и я еле сдержал улыбку, протягивая свою.

– Виктор. – Второй, в спортивном костюме, обошёл без рукопожатий, крепко зацепившись глазами за густые заросли перед нами.

– Геннадий. – Я назвал последним, снова оставив нас в тишине. Она порядком надоела, и я готов был превратиться даже в Сергея с его глупыми анекдотами, лишь бы не оставаться в забвении.

Несколько минут мы стояли и просто пялились в густую листву, уже ощутив взгляды на наши застывшие спины. Александр снова должен был подействовать первым, но лишь обошёл вопросом.

– У кого-нибудь хотя бы ножик есть?

9

Мы двигались наугад, нас вёл Виктор, самый физически подкованный. Александр замыкал наш строй, и я плёлся в середине, то неудачно наступая на пятки Виктору, то слишком отставая и доставляя неудобства Александру. В жаре под пальмами я потел и постоянно сбрасывал пот с намокших бровей. Под ногами то и дело путались лианы и тонкие, но прочные корни. Я не запинаясь, но часто задираю колени чуть ли не по пояс, чтоб не свалиться лицом вниз. Тропа еле проглядывалась, но казалась хоть каким-то способом идти дальше и запоминать, откуда мы вообще двинулись. Впереди всё время виднелся пик небольшой горы, к нему и пролегал путь.

Ножа ни у кого не оказалось, и Виктор рвал перед собой листья и ломал ветки, если те уж слишком настырно пытались ударить по щекам. Я изо всех сил старался отодвигать листву от постепенно сбавлявшего темп Александра. Он был самым старшим из нас и уже хрипел, а его шаги делались всё медленнее и короче.

– Нам нужен привал, – объявил я, проявив заботу о горделивом Александре, уже заметно отставшем от меня и Виктора. Сам Виктор прошёл ещё несколько шагов, прежде чем вздохнул и остановился, ударив кулаком по тоненькой пальме рядом с собой.

– Там осталось немного. С горы посмотрим, с чем вообще имеем дело, – голос Виктора совсем высох, и его полушёпот было трудно различать посреди шуршания травы под ногами Александра. Он уже достиг меня и привалился плечом к дереву. Под кронами мы с ним вдвоём спрятались от палящего солнца.

Казалось, облака над нами кружились как пенка в кипящем молоке. У меня давило во лбу, и я терялся в мыслях. Виктор прав – нам скорее нужно выполнить хотя бы одну часть сегодняшнего плана, но Александр уже свалился на землю и еле сводил концы с концами, дыша как после изнурительной пробежки. Мы ушли максимум на километр от лагеря, и я нервно искал протоптанную нами тропу, но не находил её. Лишь два моих ориентира, – Виктор и Александр, вставшие в одну линию, – помогли вспомнить вектор движения. Пик горы медленно прятался в листьях пальм, страшно его совсем упустить из виду.

Меня одолевала паника. Я подошёл к Виктору и встал рядом. От него несло потом и уверенностью в себе. Мы минуты три ещё дали Александру и двинулись дальше. Уже выйдя на каменистое плато, мы сделали полноценный привал. Перед нами открылась каменная опушка. Посреди – маленький разрыв в земле, уходящий вниз, в темноту. Туда свалились камешки от моей поступи и пропали, тихо звякая с удаляющимся эхом.

– Тут подземные пещеры. Не упасть бы, – Александр вглядывался из-под очков в разлом, оставляя между собой и краем слишком мало расстояния, чтобы я не ощутил страх за всё ещё постороннего для меня человека. – Ступайте аккуратнее, таких ещё тут может быть много. Провалишься, и не достать уже.

Гору отсюда видно лучше. Какая-то пародия даже на гору, лишь холм с острым пиком, но он, кажется, является самой высокой точкой на острове. Надеюсь, с неё мы увидим всё, за чем шли через густые изнуряющие джунгли. Виктор нарезал круги вокруг меня с Александром. Он будто акула – не мог находиться без движения, желая каждый раз давать мышцам нагрузку. Вены на его висках вспухли, и он ускорял шаг, пустившись чуть ли не в трусцу.

– Витя, ты как? – Александр привстал и обратился к нашему товарищу. Тот всё ещё ходил кругами, но уже сбавил темп.

– Я? Никак. Извините, я нехорошо себя чувствую.

Виктор сделал ещё несколько шагов и упал лицом вниз со всей высоты своего роста. Мы рванули к нему и тут же перевернули кверху. Солнце осветило рассечённый лоб, но крови

не выступило. Желтоватый череп выглянул наружу, и меня затошнило от этого вида. Я отклонился назад, рыгая пустым желудком.

Александр хлопал Виктора по щекам. Тот тихо стонал, но не открывал глаз, начиная трястись всем телом. Виктора вырвало чем-то белым, и он начал задыхаться. Александр повернул его тело на бок и проследил за тем, чтоб голова Виктора не поднималась. Я лишь наблюдал, не веря в происходящее.

Его рвало и рвало. Тонкая склизкая струйка текла к разлому в камнях, блестя и переливаясь разными цветами. В моих глазах помутнело, и я чихнул, закрывшись рукой. На ладони проблеснули белые капли, такие же, какие были на лице уже изрядно побледневшего Виктора.

Я подскочил на ноги и бросился к горе. Что мной двигало? Я и сам не знал. Земля начала подниматься вверх, и вскоре я помогал себе руками, чтобы продолжать путь. Трава закончилась, теперь одни камни, и я срывал с пальцев кожу, лишь бы не упасть и не начать всё сначала. Солнце жгло мокрую под рубахой спину. Я дышал и видел, как слюна у меня тянулась от губы до земли, будто паутина, путающаяся в руках и ногах. Я хрипел и двигал всеми конечностями, чтобы побыстрее забраться выше. Оказавшись на пике, чуть не свалился на ту сторону, набрав уже немалую скорость. Я лёг животом на вершушку, вдыхая пыль от потревоженных камней горы.

Внизу слышался голос Александра. Возможно, он звал меня, возможно, это просто крик. А ещё может быть я бредил и думал лишь, что слышу кого-то. Я поднял голову и не поверил глазам. Наш лагерь так близко от горы, будто мы и не отходили от него. Тут же выяснилось, что остров не больше футбольного поля, а мы же так долго шли сюда! Нет, это обман зрения, такого не может быть!

Внизу Александр всё ещё держал Виктора, ужедвигающегося самостоятельно. Они метрах в пятнадцати от меня, а мне показалось, что я покорил Эверест. Я внезапно проникся ненавистью к этому острову. Отсюда он выглядел игрушечным, пластмассовым, собранным руками небрежного ребёнка. Это оскорбительно, это унижительно, я плюнул себе под ноги, пустив и соплей вместе с этим жестом. Иди ты нахуй, остров, со своими пальмами и песком без камней!

Я поспешно спустился и привалился животом к земле. Рядом сидели Виктор и Александр. Они качались из стороны в сторону и издавали какие-то звуки, мыча из-за закрытых губ.

«Сука! Ты где вообще, нормально?! Я вот стоял там, а ты ждал, когда я принесу его. По-твоему, так поступают хорошие специалисты? Я тебе покажу, как издеваться надо мной, осёл, тебе дам знать, когда всё закончу и напишу СМС. Дождёшься, милый. Смотри, что там, в пробирке! Скорее позови начальника, этого просто не может быть! Я заберу это себе!»

Меня вырвало.

Александр опять помогал, но в этот раз мне. Я слышал свой голос, звучащий будто в чужой голове. Отдалённый, насмешливый, и настырно предлагающий о чём-то вспомнить.

– Надо уходить отсюда. Гена, что ты увидел с горы?

Я мотнул головой, попытавшись встать. Виктор помог, и меня на руках потащили обратно. Вокруг примятая трава и знакомые, казалось, пальмы, но уверенность, что мы идём правильной дорогой, постепенно покидала меня. Потом она пропала и в остальных. Меня бросили на траву как слишком тяжёлый мешок со скарбом. Я взвыл и ударил кулаком по сладкой траве, оказавшейся у меня во рту.

«Эй вы, там, помогите мне встать!»

Александр словно распознал мои мысли и подкинул на своих руках, как ребёнка, и повёл дальше. Виктор бегал туда-сюда, то обгоняя нас, то отставая на несколько шагов. Пальмы редели, и впереди уже виднелся пляж. Там костёр, там люди, но будто совсем другие. Я глазами искал Сергея Витальевича и Светлану, но никак не мог найти, от чего тут же пустил слезу. Они нас бросили и уплыли? Спаслись? Я так и знал, что они трахаются за моей спиной!

Александр скинул меня у сгоревших поленьев и сам свалился рядом. Виктор побежал дальше, ринувшись во всю прыть в океан. Он не вернулся, и я так и не понял, что с ним. А что вообще случилось с нами?

10

Меня опрыснули тёплой водой. Солёный привкус остался на губах и в носу. Мерзкое ощущение. Я лежал на том же месте, где меня бросил Александр. Сам он валялся рядом, и его спина еле заметно двигалась при дыхании могучего мужчины. Сейчас он выглядел как ветхий старик, еле осиливший поход к соседнему дому. Я продрал глаза и привстал.

– Что с вами случилось?

Это была Светлана. Даже не сразу узнал её. Былые локоны превратились в серые верёвки, падающие вниз. В глазах пустота, а изо рта воняет. Я отклонился, чтоб не чувствовать такого разбега между воспоминаниями и реальностью. Мне и правда стало противно.

– Мы дошли до горы, я забрался туда и осмотрел остров.

– И что там?

Чей это был голос – чёрт его знает. Вокруг меня собрались выжившие и лишили солнца. Мне даже стало холодно, такому покинутому нашей общей звездой. Её хотят забрать у меня, как забрали волосы у Светланы? Я не позволю им, ну уж нет, не позволю!

Я резко встал и кого-то ударил макушкой. Перед глазами побежали круги, и, не сделав и двух шагов, я снова свалился, набрав полный рот травы и земли. Как чёртов экскаватор прошёлся зубами. Вроде вкусно даже, как минимум не так плохо, как можно подумать.

– Не трогайте его!

Она опять кричала. Я могу узнать этот голос лишь по его повышенным тонам. Ничего другого о ней не помню, хотя мы перекинулись парой слов и раньше. Владислава встала надо мной, закрыв меня своей тушей ото всех.

– Поднимите парня и отнесите в тень под священным деревом!

О каком дереве она говорит? Про пальму? Меня в восемь рук оттащили именно под неё. Для кого она священная? Для этих сумасшедших, наверное, и лопух – апостол.

Подошли белокурые брат с сестрой и сели каждый по обе стороны. Они взяли меня за руки и склонили головы. На их макушках что-то сверкнуло в свете солнца, и я посмеялся сам не зная от чего. От меня что-то скрывают, это точно.

– Принесите ему воды, омойте голову и руки. Потом снимите обувь и омойте ступни.

Владиславу все беспрекословно слушались, и это было странно наблюдать. Пока Александр валялся в отключке, она тут же забрала его лидерство и воспользовалась им со всех сил. Вячеслав наблюдал этим со стороны, следил за каждым, кто сновал туда-сюда – от океана и ко мне, туда и обратно. Вячеслав улыбался поверх своей короткопалой руки, еле закрывающей огромную неприятную рожу. Он мне не нравится.

Молодые ребята сняли с меня обувь и вымыли ноги, не обделив вниманием ни одного пальца. Чертовски щекотно, но я будто застыл и не двигался, совершенно не мешая совершать надо мной эти процедуры. Девочка, София, кажется, громко шептала что-то на незнакомом мне языке. Владислава подхватила эти речи, только намного громче. Люди вокруг расступились, оставив меня практически наедине с семейкой религиозных безумцев. Я смотрел им в глаза попеременно, пытаюсь найти ответ хотя бы на один вопрос, просил о помощи, хоть и не двигал губами. Всем плевать на меня. И даже тем, кто так старается изо всех сил сделать вид, будто это не так.

– Покажите мне его голову!

Владислава не прекращала кричать даже тогда, когда все остальные молчали. Пальмы не шелестели на ветру, океан совсем притих, люди крепко сжали рты, не издавая ни звука. Всё прислушалось к этой женщине, держащей раскрытую книгу с уродливым крестом на пожухлой обложке. Мальчик подошёл ко мне и силой опустил мою голову. Кажется, он разглядывал макушку, раздвигая в стороны волосы. Резкая боль стукнулась о зубы и вернулась обратно – к

самому темечку. На лоб что-то стекло и капнуло на штанину. Это была кровь. Поганный мальчишка отошёл от меня, и только теперь я увидел в его руках перочинный нож.

И даже когда Александр спросил, неужели его никто не услышал? И что сейчас с самим Александром? Я повертел головой, но его тело, видимо, где-то спрятали. Все смотрели на одного меня, и по лбу моему стекали тонкие багровые струйки. Я поднял руку, чтобы ощупать рану, но подскочила Софья и не позволила сделать этого.

– Подожди... – Она шепнула еле заметно. От неё пахло мятой, парфюмом и девственностью. – Не двигайся. Позволь нам посмотреть...

Девочка опустила мою голову, но нежно, совсем не так, как сучий недомерок, что приходится ей братом.

– Нет, мам, там ничего.

– Христианская погань!

Владислава выкрикнула эти слова и поспешила пропасть в чаще джунглей. За ней последовали вся её семья и часть выживших из лагеря. Большая часть, кстати говоря.

Подбежала Светлана и прижала к моей окровавленной макушке грубо оторванную часть своей юбки. Её рана зажила, а вот мою она решила обмокнуть тряпкой, пропитанной океанской водой. Жгучая боль заставила меня дёрнуться и оттолкнуть Светлану от себя. Она упала, и её бёдра оголились. Я посмотрел ей между ног и потом в глаза. Они намокли, и я ощутил себя виновным в чём-то. Светлана убежала за короткие пальмы, растущие у берега. За ней рванул Сергей, только так и сверкая пятками. Ну и ладно, будто я не догадывался.

Мои глаза закрылись сами. Последняя мысль скользнула по сухим губам к затылку. Она искала что-то, но не нашла, обо что удариться, и провалилась в пустоту без смыслового заключения. Я полый, бестелесный, и они тоже все такие. Девочка ведь так и сказала своей ебанутой матери – там ничего. И она права.

11

Уверен – что-то упущено из виду. Я рылся в своей памяти и никак не мог восполнить пробел. Всё на месте – проход через джунгли, рвота Виктора, моё восхождение на гору и вид с неё, но вот спуск – он пропал бесследно. Тёмное пятно, лишь какие-то обрывки запахов и ощущений. Я помню голоса, странные звуки. И гул, который растворился в моих ушах только сейчас, когда солнце снова начало опускаться к линии океана, блестящего ровной поверхностью, словно зеркало.

И правда, что я оттолкнул Светлану? Не помню точно. Темечко болит, значит, там действительно рана. Нас стало заметно меньше. Сергея Витальевича нет. Наверное, он ушёл с безумными. Александр откуда-то достал пару кокосов и передавал по кругу между собравшимися около нового костерка. Два брата, Александр, Светлана, Сергей, я и та женщина с младенцем на руках, который ведёт себя уж больно спокойно. Он точно жив, я видел, как его губки порой недовольно сморщивались в потревоженном сне от треска сухих веток в огне.

– Куда все ушли?

– А чёрт их знает, – ответил Александр, до которого дошёл расколотый и почти опустошённый кокос, – просто утёрпали и всё. Как себя чувствуешь?

– Трудно сказать, – я будто проспал часов двадцать и не мог прийти в себя. Всё тело тряслось, и даже картинка перед глазами дребезжала, покрывая всё окружающее мутным маревом. – Знак хотя бы из камней сделали?

– Неа. – Сергей ответил слегка раздражённо, но я каким-то образом понял, что ненависти лично ко мне он не питает. – Камней не нашли, зато нашли золото.

– В смысле? О чём ты?

Мы с Александром были оба не в курсе, а остальные сделали вид, будто вообще не различили слов Сергея за набирающим обороты ветром. Я подобрался к костру поближе и поставил огню затёкшие ладони. Там же, среди языков пламени, я увидел лицо Светланы, которое она прятала в высоко поднятых коленях. Специально смотрел на неё дольше обычного, чтобы наши взгляды пересеклись, но у меня ничего не вышло. Я уставился на Сергея, снова открывшего рот, чтоб набрать воздуха побольше для затянутого доклада, как обычно он делал на любой научной встрече.

– Тот кудрявый иностранец постоянно матерился и пинал песок, пока не начал подпрыгивать на одной ноге, матерясь ещё сильнее. Мы все подбежали к нему и увидели всего один камень – самородок, торчащий наружу. Мы попытались его приподнять, но не вышло. Вячеслав, заметивший последним золото, упал на колени и руками принялся раскапывать, пока мы не обнаружили огромный золотой валун. У меня чуть челюсть не выпала, а Сергей Витальевич захохотал как сумасшедший и ушёл куда-то в сторону. Последний раз я его видел, следующим за семейкой с детишками-альбиносами.

– И где сейчас тот камень? – Александр встал и принялся оглядываться по сторонам.

– Они его с собой утащили. Вообще непонятно, зачем он может понадобиться на острове. – Слово взяла женщина, нежно убаюкивающая на своих тонких руках смирно лежащее дитя, завернутое в какие-то обноски. И снова я узнал платье Светланы, укоротившееся уже более заметно. На ней уже будто набедренная повязка, а не юбка, когда-то скрывавшая ноги почти до коленей. – Перед заходом солнца я увидела столб огня за горой. Наверное, там они образовали новый лагерь.

Я обернулся и не разглядел ничего в уже фиолетовом небе с последними жалкими всполохами оранжевого цвета. Солнце последний раз сверкнуло и пропало совсем, оставив нас наедине с коротким костерком и иссиня-чёрным небосводом.

– Влада пообещала им спасение... – Голос Светланы звучал совершенно измождённо. Она так и не подняла лица, упёршись лбом в свои колени, и шёпот её терялся в резко оживших волнах океана. – Она ножом резала чужие головы, сама выбирала, кого заберёт с собой, а кого оставит.

– И вас всех тоже резанула? – Александр, наверное, сам того не желая, слишком повысил голос и тут же осёкся, откашлявшись в свой огромный кулак. – Вы позволили ей?

– Нет, мы как раз все отошли в сторону и просто смотрели. – Сергей говорил будто сам с собой, уставившись в точку, спрятанную где-то во тьме джунглей. В огне его лицо казалось особенно зловещим. – Я вообще хотел сбежать в джунгли, но побоялся.

– Что она там искала?

Это был риторический вопрос одного из молодых парней. Второй как раз вернулся с берега и принёс новых веточек. Костёр ожил, получив чуток пищи, и радостно заскрежетал, выбрасывая маленькие искорки вверх.

Золото. В голове не укладывается. Тут не водятся животные, птицы даже куда-то пропали. Сам остров малюсенький просто до безобразия. Мы выжили после падения чёртового самолёта и выбрались на мягкий песок без единого камушка. И вот – золото.

И что там было... в тот момент, когда спускался.

Помню, я быстро перебирал ногами, чтобы не упасть. Валуны, большие и маленькие, падали за мной и обгоняли меня, тихонько и почти музыкально цокая по склону горы. Там внизу были Виктор и Александр. Виктор потом решил утонуть. Может, он тоже что-то увидел? Во лбу у меня резко взбухла точка и тут же растворилась. Я пошатнулся и привалился к плечу одного из братьев.

– С вами всё в порядке?

Вопрос его уже пропадал в эхе, что окружало меня и накрывало. Женские голоса становились мужскими, мужские – женскими. Силуэты вскочили на ноги и буквально метнулись ко мне. Они миновали костёр, ставший таким ярким, что пришлось зажмуриться и представить, что всё это сейчас закончится, и мне станет лучше.

«Стоило проверить, прежде чем показывать подобное. Вам не стыдно? Вот *мне* было бы стыдно. Я как чёрт там стоял, а вы теперь здесь и вообще клоуничаєте. Я сообщу кому надо и вас тут же выставят за дверь».

Голос Светланы дорвался до моих ушей посреди бреда, заполонившего голову. Моих губ коснулось сладкое молочко кокоса, ещё оставшееся после вечерней трапезы.

«Я всегда хотел этого, желал, как ничто иное. Я ждал помощи, потому что думал, что, оказывая помощь другим, получу то же взамен. Я не просил, никогда, и сейчас мне правда стыдно. Вы мне верите?»

– Поднимите его! – Александр снова взял на себя командование. Меня оттащили к воде. Чьи-то руки бережно, но достаточно жёстко умыли меня в прохладе океана. Соль зашипала разбитые сухие губы. Мне на секунду стало лучше, а потом я снова где-то пропал, будто меня с головой погрузили в наполненную ванную. Тут слишком тесно даже для меня одного.

«Я старался, правда. Бог знает, сколько было приложено сил, чтобы оказаться здесь. А где? И одному *ему* известно, где мы теперь находимся. Я попрошу у него совета, когда мне станет лучше. *Если* станет лучше. Но одно известно точно – этот день запомню до конца своей жизни».

Тепло огня помогло очнуться. Вся боль резко отступила, и я ощутил себя лёгким как пух. Вокруг меня собрались те, кто не последовали за Владиславой и остались на этом бутафорском пляжу.

– Как ты? Что случилось? Такое происходило раньше?

Александр говорил за всех, будто забрав у каждого по одному вопросу. Я зацепился за взгляд Светланы. Теперь полностью смог увидеть её лицо со впавшими скулами. Глаза у неё такие добрые, но мокрые от слёз. Я хотел сказать ей, что...

Крик разорвал небо пополам. На этом маленьком острове слышно и видно всё. И вот оранжевые языки высокого костра почти достигли верхушки горы. Треск деревьев настигал нас, и мы встали в одну линию, видя, как огонь разрастается быстрыми темпами. Знакомый голос молил о пощаде – Сергей Витальевич.

12

Мы бежали совсем рядом, чтоб не потеряться в ночи без источника света. Александр вёл нас, задрав голову к самому кончику огромного пожарища, и уже у горы я ощутил жар, заставивший горло тут же ссохнуть.

Мы рвали вокруг себя ветки, листья пальм. Скрежет горящего дерева забивал уши, и ничего, кроме этого шума больше не было слышно. Даже крики людей пропали, осталось только пламя. На небе уже собирались тучи, выжидая словно какого-то завершения сюжета. Они готовы обрушиться дождём на весь этот постыдный ужас, чтоб забрать его в океан и спрятать навсегда.

– Держитесь рядом!

Александр кричал, подняв руку вверх, чтоб не затеряться в листве. Мы выбежали на уже знакомое плато. Александр провёл нас змейкой вокруг разлома и перенял у женщины дитя, пустив вперёд Сергея. Тот не сразу понял, что от него потребовалось, и сначала тупо пялился на нас всех, ожидавших, что стаю поведёт новый лидер. Сергей им не был никогда, и вот сейчас он слишком долго колебался, в нас зародились сомнения, страх и безнадёга. Остров нас точно не отпустит, сегодняшняя ночь – последняя для нас.

Я схватил Светлану за руку и повёл за собой всех остальных, стараясь не убежать сильно вперёд. Приходилось оборачиваться, чтобы убедиться – все ли на месте, прежде чем джунгли закончились. Теперь гора была за нашими спинами, а впереди мерцало адское пламя.

Сергей Витальевич больше не кричал. Я узнал его тело, привязанное к пальме и лишённое скальпа. Череп оголён и повернут к огню словно в поклоне. Повсюду валялись растерзанные трупы, и лишь семья безумцев осталась в живых. Каким образом это им удалось – чёрт его знает, но сейчас только *они* стояли перед нами, подняв руки к разгорячённому небу.

– Примите наказание, падшие, или докажите, что вы достойны быть рядом с нами!

Владислава кричала, подводя Софью, свою напуганную дочь, ближе к огню. Мать взяла в руки нож и отрезала волосы с детской головы вместе с кожей. И я увидел его – металл. Череп Софьи был из золота. Он блестел, переливался и пускал зайчиков по песчаному пляжу. Сергей упал в обморок, и Вячеслав, обративший на это внимание, залился хохотом. Он подвёл своего сына, Казимира, туда же, где лишилась скальпа его дочь, и сам проделал экзекуцию над своим же отпрыском. Череп Казимира тоже был золотым. Оба дитя встали и подошли к костру ещё ближе. Их тела тут же охватило пламя, и два тощих силуэта растворились в жёлтом свете огня. Сноп искр взмыл к нахмуренному до безумия небу, оно вот-вот разорвётся напополам, взбешённое наглостью тех, кто смотрит сейчас на него с этого острова.

– Пройдите с нами или останьтесь здесь! Покажите ваши мысли!

Боль во лбу снова настигла меня, и я бросил руку Светланы, упавшей на колени вместе со мной. Александр отдал дитя женщине и рванул к сумасшедшим супругам... Они просто расступились, и Александр полетел напрямик в костёр. Крик мужчины превратился в девчачий визг. Огромное тело барахталось в горящих поленьях и пыталось выбраться, но всё бесполезно. Огонь пожрал Александра так быстро, что я и не успел опомниться. Братья ринулись туда же. Что ими двигало? Они не пытались навредить ни Владиславе, ни Вячеславу. Оба молодых парня прошли мимо и, держась крепко за руки, пропали вслед за уже дотлевающим Александром.

Светлана всё это время была рядом со мной. Посреди скрипа и свиста горящего дерева я слышал её рыдания, но не мог ничего сделать из-за подступившей тошноты. Меня выгибало, тяжесть головы тянула к земле, будто она увеличилась раза в три. Всё ближе, к песку без камней.

Крик Светланы на секунду отрезвил меня, но потом я снова пропал в своих попытках очнуться. Мужские кривые ноги с босыми ступнями подошли к нам, и женский голос резко стих. Перед моим лицом песок разрезался на множество маленьких осколков, отделённых друг от друга тёмной бардовой полоской. Тело Светланы свалилось на бок так тихо, будто она никогда не была жива, словно всё это – лишь имитация моих реальных ощущений. Сергей пропал там же, и я остался один.

«Они ненавидели меня. Знаю, понимаю это, но мне всё равно больно. Я видел в их глазах слёзы и разочарование, отвращение и обиду. Я старался избежать этого, но не мог, ведь всегда делал только так, как считал правильным лишь я один. И я ошибся по всем фронтам».

Я еле поднял глаза и увидел в свете огня два широких силуэта. Владислава и Вячеслав стояли прямо передо мной, склонив головы и громко дыша. Смердный воздух добирался до моих ноздрей и заставлял сокращаться желудок в нервных позывах.

«Я ненавидел это тело, ненавидел его мысли, его чувства. Я считал себя лучше всех. А теперь думаю вот о чём – я ненавижу и всех остальных!»

Вячеслав взял меня за волосы, но я схватил его за руку и выгнул в сторону. У Владиславы был нож в руке. Я вырвал его и полоснул по горлу отвратительно толстой женщины. Она захрипела как свинья, отбежав в сторону. Из её горла хлестала воняющая трубопроводной водой кровь. Вячеслав отвлёкся от меня, и в грудь ему я сунул тот же нож, оставив лезвие в теле. Кроме меня тут больше нет никого, и оружие отныне ни к чему.

Они упали в одну отвратительную кучу. Вячеслав ещё долго дёргался, пока не перестали двигаться его мерзкие кривые ноги. Огонь медленно гас, ему помогал начавшийся мелкий дождь. У меня зачесалось темечко. Я сунул туда палец и пролез под кожу грязным отросшим ногтем. Под волосистой коростой прощупывалось что-то очень гладкое и холодное. Софья соврала нам всем.

«Я оставил при себе слишком многое, хотя стоило бы объясниться. Я люблю тебя, слышишь? Просто знай, что я тебя люблю, а всё остальное пусть горит пламенем. Расскажу тебе завтра, что мне приснилось. Надеюсь, ты меня поймёшь».

Дисторсия

Конкретный диагноз меня не удивил, не испугал. Я ждал его точной формулировки уже очень давно, и вот – он у меня. Рак толстой кишки. Ну, теперь знаю наверняка. Хоть немного успокоения. Наверное.

Брат плакал больше всех. И мне его больше всех жаль, даже больше, чем самого себя. В каком-то смысле я и не хотел жить больше сорока двух лет. Теперь имею полное право сказать, что отбыл своё. Думается мне.

Меня положили в главную больницу страны, и на кой хрен? Терапия не смогла ничем помочь, и я просто трачу своё и чужое время, пока еду превращаю в дерьмо, которое сам даже не в состоянии убрать из-под себя. Отвратительное дело – наблюдать и встречаться глазами с санитарками, вытирающими твою отощавшую костлявую задницу. Потом привык, даже шутить пытался, но быстро перестал, так и не найдя в уставших санитарках и медсёстрах публики.

На экране опять репортажи о нём. Надоел уже, честное слово. Я позвал медсестру, чтоб переключила передачу на телевизоре. И почему мне не дали пульт от него? Молодая девушка вбежала, держа в трясущихся руках пульт. Я попросил её сменить канал, но она долго смотрела на меня пустыми глазами, не желая ни в коем виде выполнять мою просьбу. Я немного разозлился, но не позволил себе накричать на молодую медсестру. Она не виновата, что *его* определяют в ту же больницу, где и она сама работает. Надеюсь, меня больше не потревожат в этой палате и отдадут пульт лично мне.

Не дали, но программу сменили, и на том спасибо.

Вчера приходила мама. Брат остался дома, сказав заранее матери, что он не может видеть меня таким. А что не так? Я всего лишь похудел, даже лучше от этого выглядеть стал. Подумаешь, облысел, всего-то подгузники, но они же под халатом! Я на брата обиделся. Пусть мама так и передаст этому засранцу, что я на него в обиде. Хотя зла не держу, конечно. Увидеться бы ещё до моих похорон, а после них пусть делает что хочет.

В коридоре столпотворение. Даже за закрытой дверью слышно, как носятся туда-сюда работники больницы. В каком-то смысле даже приятно, что никто не заходит ко мне каждые полчаса спросить, всё ли у меня хорошо. Как бы сказать, кроме рака – дела у меня отлично. Только по телевизору опять надоевшие морды, но это ничего – уже привыкли, стерпим. Я уж стерплю точно. Есть у меня, скажем так, и другие заботы.

Сегодня вечером огласят новую информацию о моём недуге. Немного смешно его так называть, будто говорю о лёгком кашле или ячмене под глазом. Брату я говорил – ничего такого, лишь рак задницы. Он всего один раз посмеялся, – первый, – а потом ругал меня за подобные выходки. А я и правда хотел над этим пошутить, мне больше ничего и не оставалось. Чешется только постоянно и жжётся, и в последнее время особенно сильно. Лежать спокойно и спать уже не получается. Думал, что на пенсии выплусь, а как бы не так, сударь. Не вам спокойно отдыхать, уж извольте извинить.

За дверью в мою палату точно кто-то стоял, отбиваясь от внимания десятков людей. Клянусь, сначала я подумал, что показалось, но потом понял, что нет – вспышки фотокамер и голос, *его* голос. Нет, Господи, только не это. Если ты там, Боженька, и слышишь меня! Чёрт бы с этим раком, только не подселяй этого надменного типа со мной в одну палату! Я обещаю, что прекращу сквернословить и шутить про рак задницы! Но не дай совету больницы определить *его* на соседнюю койку!

Ответ, само собой, не прозвучал. Я глянул на пустую койку. Так бесит её прилежность. Идеально заправленное одеяло поверх идеально ровной прямоугольной подушки. Слишком яркий свет солнца ударял в слишком большое и просторное окно. Хорошо, что я додумался

попросить доктора поставить между мной и этим блядским окном перегородку. Так лучше спится и думается, будто остаёшься наедине только с собой. И раком. Раком задницы.

Снаружи всё стихло. Шаги удалились, звуки фотовспышек растаяли, и я выдохнул спокойно, положив лысую голову на подушку. Она такая мягкая, полюбилась с первого прикосновения. Хотя бы умру с ощущением комфорта, если и не во всём теле, то хотя бы в голове. Она одна здорова осталась, если так посудить.

Давно ли смотрел на свои руки? Я ими почти ничего не делал уже долгое время. Кормили меня медсёстры, портки менял тоже не сам. Каналы и то переключать мне не доверяли. Сам могу только громко пердеть, каждый раз боясь, что придётся звать сестру, ведь подгузники снова загажены. Повезло им, что я и до болезни был не особо толстым, а теперь вообще как тростинка, и переворачивать меня проще простого.

Говорят, у *него* тоже рак. Забавно. Как *он*, интересно, отнёсся к этому диагнозу? Мне и правда любопытно. Это же ничего не меняет в *его* жизни, ну вот совсем. Маленький прыщик, не более, царапина на ладони, которую замечаешь только тогда, когда она начинает пощипывать, если вспотеешь. Дискомфорт? Не, даже не так. Лёгкое недоразумение, как и то, что я тоже заболел одновременно с *ним*, если верить сводкам новостей. Знал бы брат, что *он* будет в этой больнице, так мигом бы примчался, забыв про меня. Я его понимаю. Но не совсем.

Я попытался перевернуться на бок, спиной к входной двери, но сил в себе не нашёл и усталился в одну точку рядом с телевизором. Там что-то поют, кривляются, скачут. Весело им, небось. Им же не вытирают чужие... ай да ладно.

В палату открылась дверь. Вошёл мой врач. Хотел бы я назвать его лечащим, но с моей болезнью ему не справиться, ну вот и получается, что просто врач. Он не посмотрел даже на меня, когда я поздоровался с ним. Невысокий мужчина в халате проводил внутрь пациента, семенящего маленькими, но уверенными шажками к койке у окна. В *его* руках капельница, а на лице тупая ухмылка. И *его* сраное родимое пятно.

* * *

В детстве я думал, что это и есть Бог. Но сам *он* отрицал это всеми силами. Человек с родимым пятном на весь правый глаз шатался по Земному шару сотни и даже тысячи лет в бесконечном цикле перерождений, прежде чем открыл себя миру. Прежде чем поселился со мной в одной палате. Ну это после, а до этого... до этого *он* кем только не был. Мама с самого детства лишь о *нём* и говорила, ставила в пример. Я этот пример никак не мог постичь. Даже в детстве я осознавал свою смертность, однажды чуть не погибнув в воронке озера, а *он!* *Он* буквально бессмертен, и каждая его попытка что-либо сделать имеет тучу шансов повторной пробы. Это нечестно, это халтурно, я считаю.

Сам *он* рассказал о себе многое, когда впервые поведал человечеству свою тайну. Никто ему не верил поначалу, само собой, но потом, ещё в позапрошлом веке, когда появился младенец в Европе, помнящий свою предыдущую жизнь, никто не остался в сомнениях. На планете существовал всё это время человек, перерождающийся из раза в раз в новом теле, но с прежней памятью! Многие религии пропали, ведь *этот* человек сказал, что после смерти ничего нет. Можно ли ему было верить, он же по итогу и не умирал, если так подумать? Но этот вопрос просто остался проигнорированным. Христианство ещё бултыхалось на пыльных полках библиотек, Мусульманство сохранилось каким есть, но где-то на задворках стран третьего мира. Все боготворили того, кто просил его не боготворить. Мне это с давних лет казалось смешным. Рассказал бы хоть, что видел между жизнями, а то ведь нет, молчок! Засранец.

Хотел бы я пожить до *него*. В смысле до того, как *он* открылся миру. Как люди относились к смерти? Я не знаю. Как люди вели себя, думая, что существуют Рай или Ад? Или их аналоги, да что угодно? Мир будто опустел и достался мне уже таким – обнищавшим, бессмысленным.

Кому-то вручили вечность – мне же подарили смертельную болезнь и сорок два года, ну или сорок три, если протяну ещё пару недель до дня рождения. Но не мне судить о справедливости, ведь так?

Помню, мама рассказывала, что однажды она *его* видела вживую. Я не поверил, ведь в маленьком городе даже наш же мэр не появлялся, но я побежал на главную площадь посмотреть на чудо и противоречие природы. Никого там не увидел, само собой, кроме пьяной компании у фонтана. Ни у кого из них не было пятна на глазу. Разве что синяки, но это не считается. На маму я не обиделся. Вдруг, от скуки *он* и правда пробежался мимо, зарулив через нас куда-нибудь в Италию пешком.

Интересно, *он* может умереть от старости? *Он* же погибал как угодно, но только не от возраста. Природные и автомобильные катастрофы, глупые стечения обстоятельств, убийства, войны, которые ещё имели, если так можно выразиться, смысл. Мир притих в гонке вооружений, когда понял, что одного человека никогда не получится истребить, и он даёт слишком большое преимущество стране, в которой родился. Туз в рукаве, счастливый билетик, длинная спичка из коробка обрубьшей. Думал ли *он* о том, как изменил весь мир и будущую его историю? Простые слова, обычные буквы, а сколько влияния в одном человеке и его рту. Уму непостижимо. Вот бы и мне немного такой власти. Того гляди и несчастный пульт от телевизора бы не уносили каждый раз с собой, прибегая по первому моему зову переключить канал или выключить ящик с идиотами внутри.

Я думал о подобной вечности. Надоела ли она ему? Я б прожил пару жизней в бесконечном кутеже. Наверное, *он* и сам так делал, а как иначе? Не страшна любая болезнь, ни СПИД, ни туберкулёз. Радиация как щекотка – завтра уже проснёшься в новеньком теле. Каково матерям, которые родили *его*? Воспитание отпадает, любовь к нему тоже не проявишь, ведь ему самому она и не особо-то нужна. Предатель, родившийся из твоего тела. Я б его в угол за такое поставил, когда это ещё представляется возможным. Наказывали ли его в детстве за провинности? И ругался ли он, получая по заднице ремнём, на других языках, чтоб не бесить своих новых родителей? Хотел бы и я выпороть вечность. Смешно, как по мне. Даже рак жопы не так забавен. Ну ага, типа того.

Брат вешал постеры с *ним* над койкой. Меня они нервировали. В то время *он* решил стать актёром, и парочка его фильмов действительно возымела успех, но *он* увлёкся наркотиками, не попробовав этого за все свои жизни. Я опять же не поверил, слишком неправдоподобно для всемогущего существа.

* * *

Лет двадцать пять назад в роддоме где-то в фавелах Бразилии родился мальчик с родимым пятном на лице, с трёх лет уже знающий все языки мира в совершенстве, и вот *он* здесь – передо мной. Поджарый юноша с тёмной кожей и точёными кубиками пресса, показывающимися в разрезе больничной накидки. Мне это кажется просто клоунадой, и зачем *ему* лечение? Со дня на день *он* подохнет и родится где-нибудь ещё! А ведь налоги и мои, и мамы, и брата, они же... да ладно, не мне причитать. Я сам скоро того, фьють, и нет меня. А что там будет после, уже не волнует. Пусть хоть все переродятся по сто раз, я уже нажился, наелся, напился. Выспаться бы ещё.

Я слышал о *нём* по телевизору, радио, читал в газетах, в интернете. Везде было *его* разное, но в то же время одинаковое до омерзения лицо, с этим родимым пятном, как шматок грязи на надменной роже. *Он* будто существовал всегда рядом, но так далеко, что казалось, что *он* вымышленный. Как герой сказки на ночь, не серьезнее, чем хлебобулочный шар с самосознанием. Никогда не думал, что встречу *его* вживую, и вот *он* – нарисовался, зашёл в мою палату так, словно в ней никто до *него* не жил и не умирал. Конечно, *ему* ведь плевать, *он* ведь...

– Здравствуйте! – *его* слишком слащавый голос вызвал у меня отвращение. Я не виноват, моё тело само так сделало. Я бы поздоровался, если б мои губы не искривились в подобии дуги с кончиками вниз. Всё, что я смог сделать, это кивнуть. С него хватит, уж больно много чести и без того.

Доктор проводил *его* на койку и помог улечься. Будто *ему* нужна помощь. Он выглядит как чёртов футболист в расцвете лет! Длинные чёрные волосы свисают до жилистых плеч, а на ногах такие мышцы, которых я никогда в жизни не видел. Наверное, этот раз он посвятил своим ногам. Что ж, имеет полное право. Я же отдал остаток жизни своей заднице, так почему нет?

Они там долго сидели и болтали. Доктор, наверное, вообще забыл про меня, и говорил так громко, смеялся так наигранно, что я и правда подумал, не бздануть ли, да посильнее, чтоб меня заметили и перестали игнорировать. По телевизору ряженные прыгают до сих пор, и мне это неинтересно. И что прикажете делать? Я б с удовольствием встал и вышел. Покурить бы. Сейчас даже сигаретка представляется чем-то особенно вкусным. Ощутить бы вновь то приятное лёгкое жжение, когда скуриваешь папироску до самого фильтра, гоняя дым из носа в рот и обратно. Мама говорит, что у меня из-за этого рак. Не помню что-то, чтоб сигареты я засовывал... ну да ладно.

– Сделайте телевизор, пожалуйста, погромче.

Доктор даже ухом не повёл, продолжая свою тираду о благодарностях и восхвалении. Я все мысли сконцентрировал в надежде, что он сейчас договорит и выполнит мою просьбу, но прошло время, и меня уже потряхивало. Невозможно отвлечься от их разговора, невозможно заглушить отвратительный деревенский говор доктора, и я попросил ещё раз. Ну, как попросил – просто крикнул.

– Сделайте, будьте так добры, телевизор погромче!

Могильная тишина окутала палату. До этого птицы щебетали в полуоткрытое окно, и они даже притихли после моего короткого вопля, для которого я набрал полные лёгкие и выгнул спину, потратив еле накопившиеся силы.

Он встал и вышел в коридор. Доктор всё это время сидел неподвижно. Я наблюдал за его силуэтом за ширмой, словно разглядывая театральную куклу, оставленную без хозяина. *Он* вернулся, уже держа пульт в руках. *Он* сам добавил громкости ящику с придурками и протянул пульт мне. Наши взгляды пересеклись, и я ощутил себя оскорблённым, будто капризному ребёнку, устроившему бесплатное представление в супермаркете, наконец-то купили конфеты. Я выхватил из жилистых рук пульт и положил себе под ногу так, чтоб торчала половина кнопок. Если попытаются забрать, когда усну, то почувствую это и не позволю отнять единственный символ власти над своим положением.

Их разговор продолжился. Точнее, это был монолог врача. Уже два силуэта были на соседней койке, но их голоса приглушены, и слава Богу. Меня уже одолевала приятная дрема, я взглянул на часы, стоящие на прикроватной тумбе, и увидел 17:45. Через пятнадцать минут ужин. Прекрасно, и даже настроение улучшилось. Если не путаю, должно быть пюре и немного свинины. Выпросил, таки, у врача хотя бы уладу для своего рта, а то хотели меня одной овсянкой кормить да водой. Немыслимо, дайте хоть почревоугодить перед отправкой в никуда!

Врач вышел, и его тут же заменила медсестра с подносом, полным разной еды. Фрукты, напитки, и что-то ещё на большом блюде под крышкой. Запах обнял меня, как тёплый шарф, и пропал за ширмой. Я машинально носом потянулся туда, но другая медсестра меня осекла и поставила мне на подносе пюре и свинину. Вроде, так и хотел, но уже что-то не то. Надоели и пюре, и свинина.

На соседней койке звонкий женский голос хохотал без умолку, пока точёная тень на ширме постоянно двигала руками и опустошала поднос с едой. Что за анекдоты *он* там травит? Надо будет спросить перед сном, того и гляди сам засну с хорошим настроением.

Медсёстры нас покинули и оставили наедине. Я убавил немного телевизор, не было надобности в повышенной громкости. На экране новости – новый урожай, новый губернатор области, новые митинги в маленьких городах, старые сводки автоаварий и прочая чепуха. Нашли бы уж лучше таблетки от рака, ну или свечи для моего случая.

– Как тебя зовут? – его голос проникал намного глубже ушей, словно прозвучавший только в моей голове. Я вздрогнул, до этого погружённый в свои мысли и притянутый глазами к мелькающему телевизору.

– Григорий.

Он молча вышел из-за ширмы, остановившись у невидимой границы между нашими койками. *Его* улыбка была беспричинной, наивной и занимающей всю нижнюю часть лица, в то время как верхняя была покрыта огромным родимым пятном. Как у собаки, ну ей Богу.

– Меня зовут Дибгу. Зовут в этом теле. Можешь обращаться ко мне, если потребуется помощь.

Меня взбесило *его* знание русского языка, и что *он* вообще забыл здесь? Почему *он* не на другой стороне планеты, не бегаёт по зелёным лугам и не купается в реке? Или что там бразильцы обычно делают, кроме как гоняют мяч сутками?

– Ага, спасибо.

Я не увидел, но услышал, как *он* улыбнулся. Ну да, именно так. Я краем глаза проследил, как высокое туловище пропало за ширмой, и мне стало опять спокойнее. Неприятно находиться рядом с ним, *он* для меня как обидная детская дразнилка. Вроде бы и сам давно вырос, а чувства задевает всё равно. Попрошу доктора при возможности перевести *его* в другую палату, пусть эту жизнь доживает где-нибудь ещё, но не рядом со мной, уж потрудитесь уважить мою одноразовую душу.

День клонился к завершению, когда *он* вышел из палаты и оставил меня на часик другой в одиночестве. И дышалось как-то спокойнее, и думалось. Я потянулся, ощутив приятную тяжесть в уставших мышцах. Весь день провалился, но организм боролся с болезнью и уставал лишь от этого. Сражается до смерти буквально, молодец. Я б на его месте сдался. Хорошо, что мозг принадлежит мне, а не телу. Знало бы оно, какие хохмы я отпускаю о его недуге, так давно бы отключилось самовольно.

Я проводил солнце за горизонт, наблюдая за ним через ширму. И глазам не больно, и тягучая атмосфера полумрака успокаивает. Сегодня я что-то разнервничался, и не стоит, думаю, слишком беречь измученную память, вспоминая из раза в раз, *что* оставляю после себя в сорок с лишним лет. Я ж даже не подарил...

Он вошёл быстро, почти прыжком очутившись в палате. Чёрные волосы пропали за перегородкой и слились с плоскостью кровати. Кажется, *он* немного худее, чем мне поначалу показалось. В этот момент, когда с *его* стороны не исходит ни звука, мне почему-то *его* становится жаль. Крошечная мысль скользнула на передовой и тут же рассосалась, и я опомнился – кого жалеть? Уж точно не *его*.

Мой мир сузился до койки и телевизора перед ней. Я забыл обо всех, кто существовал вокруг, и в темноте только экран светился, заставляя меня поверить в то, что я действительно остался один. Я переключил новости на фильм, с фильма на передачу о животных, с передачи на футбольный матч. Может, *его* это развеселит, отвлечёт? Есть ли *ему* интерес до обычного занятия *его* нынешних собратьев по расе и национальности? Спрошу при возможности, если завтра оба проснёмся. Какая у *него* стадия рака? И рак чего? Вряд ли задницы или чего-то подобного. Не по чину.

– Можешь немного убавить громкости? Хочу вздремнуть.

Он уткнулся лицом в подушку, судя по глухости его слов. Я быстро достал из-под худой ноги пульт и уменьшил громкость на пару делений. Тут же послышался тихий храп, такой невинный и лёгкий, словно ребёнок заснул на руках у родителей. Я убавил ещё, почти прекра-

тив различать звуки со стороны телевизора, ну и ладно. Новости мне уже неинтересны, а экран пусть горит, мне не мешает, а *ему* и тем более.

Из лёгкой дрёмы я очнулся уже перед отбоем. Медсёстры обходили палаты, нашу посетив последней. Две девушки сидели у нас очень долго, и я не был против – мне позволили посмотреть телевизор чуть дольше обычного, и мне удалось воспользоваться этим случаем сполна. Я старался вообще не издавать звуков и тем самым не привлекать внимания к своей персоне.

– Сколько вам лет? Только честно!

Девушки почему-то хихикали, задавая этот вопрос, но я особенно наострил уши, желая тоже узнать ответ. Страшно даже случайно скрипнуть койкой, лишь бы не оказаться тем, кто случайно всё прослушал.

– Мне двадцать шесть.

Снова девчачий сдвоенный смех. *Он* ехидничал. Уверен, *его* лицо сейчас растянуто в вымученной улыбке, *он* знает, что может играть людьми как ему вздумается. Хотя, всё ещё ситуация вполне невинна.

– Имею ввиду, *вообще* сколько вам лет? Я понимаю, что этот вопрос вам задавали уже сотни раз, но вы никогда точно не отвечали. Это правда, что вы не помните?

– Верно, воспоминания о первой жизни и правда затерялись где-то в моей...

Он осёкся. Думаю, *он* это тело не хочет называть своим, так же, как и главную её часть – голову. *Его* нынешнее тело болеет, и болеет очень сильно. Я знаю, каково это, когда стыдишься той оболочки, в которой живёшь, из которой не можешь выйти, если не хватает сил сделать это самолично.

– Помню Египет. Помню пирамиды и пустыни...

– Это так интересно, вы об этом не рассказывали в интервью! – второй женский голос, высокий и неприятный, отделился от первого и гудком просвистел на всю палату.

– Говорил, но не на телевидении. Его ещё не существовало.

– Когда же это было?

– В шестнадцатом веке, но мне никто не поверил, и ещё пару столетий я не предпринимал попыток раскрыть свою тайну.

Тайна? Уверен, *он* каждую свою жизнь старался похвастаться как можно более обширному количеству людей. *Его* надменная... всё, всё *его* надменное естество просто не выдержало бы столь огромного повода бахвалиться. Я уверен, хоть ставку сделаю, что девушки во все времена реагировали одинаково – мочили нижнее бельё. Или набедренные повязки. Кто знает, когда *он* появился вообще?

– А мамонтов видел?

Я задал свой вопрос, попав в резко образовавшуюся секунду тишины. Каким-то образом угодил в самое яблочко безмолвия, и все резко смолкли. За ширмой загорелась настольная лампа, и только сейчас стало понятно, в какой мрак уже погрузилась вся палата. Ожидая ответа, я полностью отключил звук на телевизоре, и диктор, наконец-то, заткнулся, сидя в своём отвратительном бежевом пиджаке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.